

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

СИБИРИАДА

В УСТЬ-САВУН
И ОБРАТНО

Сергей Артёмович Луцкий

В Усть-Сабун и обратно

Серия «Сибириада»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73897612
ISBN 978-5-4484-6092-0

Аннотация

Сборник повестей Сергея Луцкого рассказывает о жителях Западной Сибири, быт и духовный мир которых автор знает не понаслышке. Работая в Югре разъездным корреспондентом, он хорошо узнал местных сибиряков, «обских людей»: русских, татар, лесных ненцев, их быт, интересы, характеры и мировоззрение. Надежды и разочарования, радости и огорчения – далеко не полный перечень интересов и страстей, которыми живут герои книги.

Содержание

Снохач Бусыгин	5
1	5
2	8
3	13
4	24
5	32
6	38
7	44
8	50
9	65
10	73
11	85
12	89
13	97
14	104
По материнской линии	108
1	108
2	112
3	117
4	131
5	137
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Сергей Луцкий

В Усть-Сабун и обратно

© Луцкий С. А., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

*** * ***

Снохач Бусыгин

1

– Во! – радостно выдыхает Марго от порога. – Трифоныч на вышке Наташку... Ей-богу!

Голос у Марго с пропойстой хрипотцой, передних зубов наполовину нет, но это Марго не смущает. Она во весь рот улыбается, её круглое лицо исходит жизнерадостностью. Марго с размаха хлопает себя по ляжкам.

– Ну, старый хрен! Завалил Наташку на стол и – вперёд!.. Зыркнул на меня, думала, убьёт. Олежка узнает – чего будет!..

Женщины переодевались в пропахшие рыбой телогрейки (предстояло кормить лисиц) и на слова Марго прореагировали не сразу.

– Да ты чего? Он же свёкр ей!.. Поддала уже? Или со вчерашнего не отошла?

Но Марго сбить с толку невозможно.

– Вот этими глазами видела! Чтоб я сдохла, если вру! – Марго заводится, зрачки её загораются дурным огнём. – Если свёкр, так не мужик, что ли? Прибор работает!.. Наташка молодая, а Олежка неделями дома не бывает, коммерсант хренов. Ей что, не хочется? Особая какая?..

– Откуда знаешь, что прибор работает? Проверяла? – подначивают женщины. Отношение к Марго на звероферме особое.

– Предложит – проверю, ломаться не буду! – Переходы настроения у Марго стремительные, она уже сипло хохочет. Что-что, а недотрогой Марго назвать трудно. О её любвеобильном нраве ходят легенды не только в Рябинках, но и среди матросов местной линии речфлота. – О, о, смотрите, Трифоныч на кормокухню подался. А чего, сделал дело – гуляй смело!..

Глядя в окно на пожилого мужика – сторожко оглядываясь, тот спешит от смотровой вышки, – Марго опять смеётся. В её смехе расположение и товарищеское сочувствие. Мол, нормально, чего тушеваться? Так от природы положено.

Переодевшись в лоснящиеся, остро пахнущие лисьим кормом телогрейки, женщины тоже подступают к окну. И по тому, как торопится и на ходу озирается зверофермовский повар Трифоныч, понимают: Марго не наврала. Что-то и в самом деле на вышке произошло.

Ну, Наташка, кто бы подумал!..

– Она не вырывалась, не кричала? Может, он силой?..

– Ага, нашли дуру! Кто вырывается, если под хорошего мужика попадёт? Одни импотенты кругом!..

– Ты, Маргарита, не трепись нигде, – внушительно говорит самая старшая из женщин. – Мало ли чего в жизни бывает. У Наташки семья, зачем проблемы? Олежка дурной,

ещё застрелит отца.

Марго с готовностью поддакивает:

– Конечно, конечно! Зачем я буду им жизнь портить? Я чего, тупая, не понимаю?

И лицо у неё при этом становится весёлым и мстительным.

2

Олег скучно смотрел на вишневого цвета дверь с богатой бронзовой ручкой. Двойная. Ничего из-за такой не услышишь. Чего совещаются? Больше часа уже...

– Командир, веди в туалет. Мочевой пузырь у меня не резиновый.

Испуг прошёл, и привычное состояние нагловатой уверенности возвращалось к Олегу. Что они ему могут сделать? Ну, слегка помяли для профилактики. А если разобраться, он для них ценный кадр. Неизвестно ещё, для чего охранник больше приставлен: чтобы он, Олег, не слинял или чтобы ни одного волоса с его головы не упало. Случись что, кто ссуду возвращать будет?

Охранник, мясистый молодой мужик в камуфляже, взглянул на Олега исподлобья. Его поведение охраннику не нравилось.

– Руку! – Он щёлкнул наручниками на своём запястье, потом на Олеговом. Приковывать к себе было совсем ни к чему, но охранник хотел, видимо, показать, кто здесь главный. – Гуляй за мной.

Олег усмехнулся. Гнилой мужик!.. Но через минуту уже об этом не думал. Он шёл по светлым, с дорогими картинами на стенах коридорам банка, с удовольствием смотрел на двери с роскошными табличками, вдыхал пахнувший деньга-

ми и успехом воздух – и душа подрагивала от счастья.

Молодцы, ребята! Умеют!.. И его место в их мире. А все эти прилизанные клерки и увешанные золотом бабёнки (как от заразного к стенке шарахаются!) ещё будут, будут целовать ему задницу!..

Собственно, в туалет Олегу не нужно было. Просто он давно подметил: лучше всего о фирме говорят туалеты. И если случалось бывать в солидной, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть туда. Сверкающие роскошью итальянских смесителей и белоснежных писсуаров помещения! Запахи дорогих освежителей и жидкого мыла в элегантных флаконах!..

– Здесь-то отпусти, – сказал он охраннику. – Не бойсь, через окно не выпрыгну.

Тот пожал накачанными плечами, разъял стальную скобу на Олеговом запястье.

– Куда ты от нас денешься – четвёртый этаж... На задвижку не закрываться, понял?

– Как скажешь, начальник!

Олег прикрыл за собой дверь. В ноздри остро вошла свежесть моря. В ясных, с едва уловимым свинцовым оттенком зеркалах до малейших подробностей отражался крутой евростандарт.

Ей-богу, в таких апартаментах жить можно!

Он причесался, поиграл со смесителем (такого Олег ещё не видел: вместо привычных кранов – массивная никелиро-

ванная рукоятка, которой всё сразу и регулируется, температура воды и напор). Уважительно прищёлкнул языком.

Подумаешь, нет денег ссуду вернуть! Фигня, всё будет путём!.. Роскошь туалета непонятным образом убеждала его в этом.

– Шустрее! – послышалось из-за двери. – Вызывают!

Олег ещё раз провел ладонью по коротко стриженным волосам, с сожалением окинул взглядом сверкающее и лоснящееся великолепие.

– Подождут. В штаны мне, что ли?.. – Но задерживаться всё же не стал. С этими мужиками перебарщивать нельзя, отобьют почки.

Охранник спрятал мобильник, по которому, видимо, только что получил цэу, торопливо щёлкнул ручниками. В его движениях сквозила непривычная суетливость.

– Строго тут у вас, – насмешливо прищурился Олег. – Платят хоть нормально?

Охранник шёл рядом, сопел и ничего не говорил.

Через полчаса они уже были в аэропорту. Предстояло лететь в Рябинки. Как Олег понял, через день-два приедут описывать его имущество. А пока, значит, он будет под домашним арестом. Под присмотром этого терминатора.

– Пошли покурим, – дружелюбно предложил Олег. Мужик гнилой, но мосты наводить надо. – У меня уже уши в трубочку сворачиваются. Прикинь – с утра не курил!..

Скучно в этот час было в аэропорту. Посадку на вертолёт объявлять не торопились. Через весь зал ожидания вытянулась на регистрацию очередь смиренных вахтовиков из Самары. Эти улетали самолётом. Где-то нудно капризничал ребёнок.

Охранник молча вывел Олега на просторное крыльцо. От предложения закурить дорогой «Парламент» отказался, достал свою «Яву». «Держит дистанцию», – хмыкнул Олег.

– Слушай анекдот. Как тебя зовут?

Охранник помолчал, потом буркнул:

– Илья.

– Так вот, Илюха. Приезжает, значит, один мужик из наших мест в Париж. Ну, всякие там достопримечательности смотрит, Лувр и всё такое. Повезли его к Эйфелевой башне. А там целая толпа. Все не на башню смотрят, а на какого-то мужика. Тот стоит и пускает по-русски матюги. Наш к нему подходит, мол, ты чего? А тот: земляк, я четвёртый раз в Париже и каждый раз сюда прихожу. Ну когда эта долбаная вышка нефть наконец даст?!.

Олег первым засмеялся, откидываясь всем телом назад. Но тут же замолчал и стремительно потянул охранника за собой. От рейсового автобуса к крыльцу аэропорта шёл средних лет мужчина в собольей шапке. Олег принялся кланяться ему в пояс, куражливо зачастил:

– Спасибо, отец родной, спасибо! Век помнить буду! Дай тебе бог здоровья, Валентин Степанович!.. – Насколько поз-

волял упирающийся и ничего не понимающий охранник, Олег поднял вверх перехваченное наручниками запястье. – Из-за тебя, кормилец, повязали, чтоб ты сто лет жил и двести раком ползал! Спасибо, Валентин Степанович, спасибо, благодетель!..

Обойдя стороной, мужчина в собольей шапке скрылся за дверью зала ожидания. Вышедшие вместе с ним из автобуса люди с усмешкой поглядывали на Олега.

– Ты это кончай, – тихо, сквозь зубы сказал охранник. – У меня лицензия, я школу Виннера кончил. Удар правой сто пять килограммов, понял?!

Олег не спускал глаз с прозрачной, из толстого стекла двери.

– Я его ещё в вертолёте позорить буду! Я его достану, отвечаю!..

Охранник помедлил.

– Кто это?

– Глава нашей администрации. Пожалел дать подряд на содержание зимника. Сейчас бы проблем у меня не было! – Олег поиграл желваками и с чувством добавил: – Мудила!..

Мартовский день с январским не сравнишь, пусть даже будет мороз. Зимой всё мертвое стоит. А в марте кора осинника на другом берегу Ваха уже зелёная. Значит, пошла работа. Началось.

Трифоныч, раздувая ноздри, остановился посреди двора. Весной пахнет. Такие дни бывают зимой, в оттепель, но то обман. Работа начинается сейчас. Солнце оплавало снег, он стал крупчатый, сверху превратился в блискучий наст. Две-три недели – и начнёт собираться под ним вода, хлынет ручьями в реку... Вон и кончики веток на берёзе уже красные.

Пошло дело!

Кажется, столько ещё времени до лета, а жизнь начинается теперь. Жизнь торопится сделать, что ей полагается. Это если говорить про деревья. Лошади, коровы и овцы живут по-своему. Но жизнь им даёт то, что растёт из земли. Через них – человеку. Что человек сам по себе? Зверем бы стал, в норе бы жил...

В узкое, похожее на бойницу окошко стайки вываливались шматки навоза пополам с сеном. Показывались и прятались обратно вилы работника. Заходить в стайку было ни к чему – пропахнешь навозом, а это сейчас некстати, но Трифоныч не удержался. Мысли о работе, которой с каждым днём всё больше наполняется окружающая жизнь, требова-

ли зайти.

Под низким потолком бревенчатой стайки было тепло, привычно и хорошо пахло коровами. Бусыгин прошёл мимо вяло помахивающих хвостов, заглянул в отделение к Червонке, любимице. Корова повернула к нему голову, узнающе мыкнула. Своим большим животом она напоминала дирижабль и едва помещалась между дощатыми стенками. Крупные влажные глаза смотрели мученически и удовлетворённо. Червонка вот-вот должна была отелиться.

Бусыгин почесал кучерявый лоб тупо уставившемуся на него быку. Прошёл к огороженному закуту, где под низко опущенными сильными лампами грелись недавно родившиеся поросята. На секунду задержался у яловой Комолой.

Надо убирать.

И Червонка, и поросята, и глупый бык работали, делали своё дело. Червонка, как и другие коровы, носила телёнка, потом начнёт давать молоко. Поросята росли, укреплялись в жизни, набирали вес. Бык копил силу, чтобы летом отдать её стаду. Трифоныч чувствовал, они заодно с ним, делают одно и то же дело, неизвестно кем и когда человеку и скоту назначенное. А Комолоя не хотела быть, как они, как Бусыгин. Не хотела работать, делать назначенное. Пустоцвет. Сорная трава.

– Ясли поплотней сделай. Набей пару реек, – сказал Трифоныч работнику. – Много сена затаптывают.

Работник продолжал размахисто бросать в окошко навоз,

не обращая на его слова внимания.

– Андрюха, тебе говорю!

Работник остановился, вынул из уха фитюльку на тонком, уходящем за пазуху проводке.

– Чего?

– Ясли, говорю, плотнее сделай. Вон сколько сена в навозе... Что это у тебя?

– Плеер. Музыка слушаю.

Бусыгин пошевелил бровями, задержал на работнике взгляд. Под сорок мужику, а забавляется, как пацан. Им бы оглушить себя – музыкой или водкой, неважно. Главное, чтобы не думать. Что за народ такой пошёл?..

За калиткой было просторно. Взлетающее с каждым днём всё выше солнце било в глаза, ощутимо грело лицо. Длинная сельская улица по бокам была оторочена слепящими сугробами. Редкие прохожие здоровались с Трифонычем первыми.

Встретиться с директором школы он договорился ещё утром. И сейчас шёл к двухэтажному типовому зданию с приятным чувством. Не только потому, что надеялся продать в школьную столовую мясо Комолой. Директора Бусыгин уважал. Это был понятный ему человек.

На полпути Трифоныч обнаружил, что забыл сигареты. Надо зайти в магазин. Из-за печки «Прима», конечно, лучше – сухая, но не возвращаться же домой. На воздухе его всегда тянуло закурить.

В холодном кирпичном магазине пахло апельсинами, турецкими кожаными куртками и селёдкой. Народа не было, лишь у прилавка, облокотясь, стояла Валентина Нефёдова и разговаривала с новой продавщицей. «А что ей ещё делать, – подумал Бусыгин. – Мужа похоронила, сыновья с семьями живут отдельно. Вот и ходит в магазин, как в клуб, – язык чесать». Обычно народа здесь хватало.

– Трифоныч, а я Татьяну твою видела! На рынке обувью торгует! – громко, как о великой радости, сообщила Нефёдова. – Говорит, от хозяина. Холодно на морозе целый день, зато выходит у неё неплохо! Тысяч, говорит, по пять каждый месяц хозяин платит. Это сколько ж тебе, Трифоныч, за эти пять тысяч надо карячиться?!

«Дурная, – подумал Бусыгин. – Что на уме, то на языке». Видеть Валентину было досадно. Не потому, что слишком простая и всё, что угодно, может ляпнуть. Стыдно было думать, что спасла его в послевоенную голодуху вот такая вот женщина.

– Как ты один живёшь-то? – не отставала Нефёдова. То, что Трифоныч хмуро зашевелил бровями, её не остановило. Склеротические щёчки Валентины ярко рдели, глаза смотрели ясно, наивно. – Вы с Татьяной развелись или как? Её цельный год в деревне нет – где, думаю. Говорит, дочери помогаю, потому живу в городе, на рынке, дескать, торгую. А ты как? Тебе кто помогать будет? Хозяйство вон какое!..

– Разберёмся как-нибудь, – скупно сказал Бусыгин. На

Нефёдову он не смотрел. Глаза обегали полки, тесно уставленные импортными товарами в красивых цветных упаковках. – «Прима» есть? Или всё уже заграничное? – спросил он продавщицу, недавно приехавшую с большой земли, погородскому сухопарую, в щеголеватом голубом переднике.

– А то смотри, невесту тебе найдём! – вела своё Нефёдова. И вдруг хихикнула: – Я хотя бы. С детства к тебе симпатия, а то не знаешь!..

Бусыгин чуть не выругался. На похороны копить надо, а не замуж собираться!.. Валентина всё не могла остановиться:

– Паша, подумай, какая жизнь хорошая настала! Вспомни, как на рыбоучастке работали!.. – Она теперь испуганно переводила взгляд с Бусыгина на вежливо молчащую продавщицу и обратно. – Из сил выбьешься, пока из протоки рыбу привезёшь. Кровавые мозоли от вёсел! И всё быстрее, быстрее, чтоб рыба не завоняла, первым сортом сдать, а то бригадир отчехвостит!.. Сейчас работай на себя, фермером становись или так, ещё спасибо скажут! Силы только нет. Молодым хорошо, которые позже родились, рыбоучасток их не тиранит. И ты, Паша, ещё ничего, крепкий мужчина, ещё при капитализме богатый станешь!..

– Ага, миллионером, – хмыкнул Бусыгин.

– Это ты правильно, что на пенсию не идёшь. – Нефёдова завелась, теперь её не остановить. – Какая от пенсии польза? Так, с работы корму принесёшь, скотине задашь – чего хозяйство не держать, когда на звероферме работаешь? Всё

под рукой, не ленись, носи!..

Трифоныч налился кровью.

– Дура ты, Валентина, – сказал он. – Как с молодости ума не было, так и пошло!.. Чужого человека постеснялась бы.

Нефёдова удивилась, взглянула на продавщицу.

– А чего я сказала? Кто не знает, что со зверофермы таскают? Не ты один. Марго, так та комбикорм на водку меняет, вчера мешок загнала!.. Не правда, что ли?

Видеть ясные Валентинины глаза не было сил. Трифоныч безнадёжно покачал головой и, быстро расплатившись, вышел из магазина. От греха подальше.

Кусок хлеба с комбижиром

– На! На!.. – Не вынимая из кармана руку (пусть думает, что у него в кармане хлеб или варёная картофелина), Пашка сделал шаг к Рябому. Топорик он спрятал за спину.

Пёс недоверчиво отскочил. Он сторожко следил за каждым движением хозяина, по пегой морде было видно, что в нём борются голод и страх.

– Чего ты! На! – Пашка сделал вид, что достаёт из кармана съестное.

Рябой остановился, готовый податься к нему. Он жадно смотрел на Пашкину руку. Пашка бросил под ноги скомканную тряпку. И когда Рябой стремительно кинулся к ней, взмахнул топориком.

Пёс с визгом отскочил, перемахнул через тёмные хлысты ограды и, скуля, понёсся вдоль улицы. Пашка чуть не заплакал. Не попал!.. В животе давно перестало бурчать. Он был сейчас сплошной ноющей раной.

Пашка не заметил, как с другого конца улицы подошли Танька Земскова и две девчонки-калмычки из сосланных в войну. В руках Танька с достоинством держала портфель, единственный на всю деревню, – все остальные ребята в Рябинках ходили в школу с матерчатыми сумками. Танька из зажиточной семьи, её отца, передового охотника, даже на фронт не взяли.

Пашка заторопился в дом, но Танька всё же успела крикнуть:

– Не переживай! Приходи к нам, у нас кошка сдохла!..

Окаменев от стыда, Пашка смотрел вслед девчонкам через давно не мытое окно. Танька ему нравилась. Нужно же было так случиться, чтобы она всё видела!..

Когда Танька и калмычки скрылись за краем окна, Пашка внимательно осмотрел избу. Он знал, нести менять больше нечего, но всё же порыскал глазами по углам. Оставалась икона на стене под потолком, да кто её возьмет?..

Если найти несколько горошин, можно было бы их распарить, насадить на крючок и попробовать поймать сороку. Рыба в речке сейчас не ловится – потемневший, в трупных пятнах лёд отошёл от берегов, вот-вот тронется. Но где возмёшь горох? Последнюю заначку Пашка съел два дня назад.

Топорик тоже менять нельзя, пригодится. И дрова порубить, и так... Пашка сглотнул голодную слюну.

Он залез на печку, закопался в оставшееся от матери тряпье, пробуя заснуть. Во сне голод не так донимает. Но заснуть не получалось. Пашка уже начинал жалеть, что сбежал из интерната. Конечно, там старшие пацаны бьют и порции отнимают, но иногда что-то достаётся.

Голод делался нестерпимым. Пашка слез с печки, пожевал приготовленную для растопки бересту. Выплюнул. Пойти на болото, поискать перезимовавшую под снегом клюкву?.. Но там сейчас полно талой воды, промокнуешь и ничего не найдешь. Да и дойдёт ли он до болота?..

Оставалось одно – на конюшню, к Вальке. За недостатком мужиков её недавно поставили конюхом. Идти не хотелось, но голод был сильнее.

Пашка вышел на улицу, глянул в обе стороны, не видно ли собак. С тех пор как он стал их есть, собаки чуяли в нём врага и, завидев, остервенело набрасывались. Следовало остерегаться и служащих комендатуры – заметят, отправят обратно в интернат.

Из-за пригорка, трудно мотая головой, поднималась запряженная в сани лошадь. Снег на дороге почти стаял, полозья шли по раскисшему суглинку. На передке саней, выставив в бок деревянный, формой смахивающий на бутылку протез, сидел фронтовик Алябьев и с удовольствием смотрел по сторонам. Вслед за его санями поднимались ещё двое,

на каждых – тяжёлый ларь с рыбой.

«С дальних озёр возвращаются», – понял Пашка. Он с надеждой смотрел на приближающиеся лари – а вдруг выпадет рыбина?..

– Чего зришь? – радостно закричал Алябьев. И оттого, что наконец-то прибыл домой, что впереди баня, стакан самогона и мягкая тёплая жена, от полноты чувств вытянул Пашку кнутом. – С дороги, кулацкое отродье!..

Пашка затравленно сиганул в сторону. Стоя по щиколотку в грязи, подождал, когда пройдёт обоз. Надеялся он напрасно, ни одной рыбины не выпало из ларей. Даже паршивого чебака.

Вскоре он уже был в полутёмном помещении, низком и широком, смотрел на спешащую к нему грудастую девушку в телогрейке и кирзовых сапогах.

– Помогать пришёл! – уверенно сказала Валентина, глядя ему прямо в глаза. – Дак и правильно, наши лошадки заслужили, чтобы за ними ухаживать!.. Невода разве таскать легко? Всю зиму наши лошадки на сорах и озёрах работали, план давали. А ты сын погибшего трудармейца, обязан помочь. Это твой вклад в восстановление разрушенного фашистскими оккупантами народного хозяйства!..

Пашке казалось, он чувствует пыльный, сытный запах овса из чулана, ключ от которого хранился в кармане Валентиной телогрейки. Ему было стыдно, что Валька его любит, что она такая взрослая и что пригнал его сюда голод.

– Завтра Пасха, дак ты смотри, на кладбище не ходи! – неизвестно к чему заговорила девушка. – Это только несознательные старухи ходят, а ты будущий комсомолец, я тебе рекомендацию в организацию дам! У тебя кто в Рябинках похороненный?

Пашка, соображая, как попросить овса, замешкался.

– Ты чего, язык проглотил?

– Дед, сестра маленькая... Мама недавно.

– А Колька где?

– Убежал. Ещё в прошлый год.

– Несознательный! Не понимает твой брат заботы советской власти! – рассердилась Валентина. Но тут же и отошла: – Дак ты, Паша, смотри, на кладбище не ходи. Насчёт души попы придумали, чтобы дурить людей. Я в комендатуре на лекции была, там рассказывали... Бери скребок, пойдём лошадей чистить.

Пашка собрался с духом:

– Валь, овса дашь?

Девушка в ужасе округлила глаза.

– Да ты чего!.. Это ж народное имущество!.. Ты, Паша, избавляйся от кулацкого духа. Твой-то отец своей жизнью искупил! – Она остановила на нём взгляд ясных выпуклых глаз, наконец сообразила: – Есть хочется? Голодный?

Пашка молчал. Валентина достала из кармана телогрейки газетный сверток, подала Пашке.

– Ешь!

Пашка деревянными руками принял свёрток, стал неловко разворачивать.

– Думала сегодня на обед домой не идти, теперь-то уж пойду. Так даже лучше, горячих щей поем!.. А хлеб, знаешь, с чем? – Валентина смотрела на бутерброд в Пашкиных руках. – С комбижиром! О таком небось и не слыхал? Из братова пайка, им в комендатуре полагается. Ешь, ешь! Я тебе завтра ещё принесу.

Пашка отвернулся и впился зубами в хлеб. Валентина захохотала.

– Паш, ты аж дрожишь! Собака, ей-богу, собака!..

Выступать в вертолёте Олег не стал. Тем более что Валентин Степанович, торопливо мелькнув собольей шапкой, уселся в другом конце салона, подальше от него.

Олега заинтересовали трое мужчин в добротных, по все-му видно, заграничных пуховиках. Лица у них тоже были какие-то нерусские – слишком довольные и доброжелательные. Иностранцы, понял Олег.

Вертолёт на этот раз дали почему-то не пассажирский, с мягкими, как в автобусах, сиденьями, а грузовой, с двумя длинными лавками вдоль бортов. Жителям дальних деревень это было на руку. Всё пространство между лавками они заполнили битком набитыми клетчатými сумками.

– Бизнес! – с покровительственной усмешкой кивнул на сумки Олег, когда поймал взгляд одного из иностранцев.

За грохотом двигателя иностранец сказанного, конечно, не расслышал, но с готовностью закивал. Судя по всему, он и два его товарища работали в российско-канадской компании, находившейся километрах в пятидесяти за Рябинками. О существовании такой Олег слышал, но ни с кем знаком там не был.

Когда вертолёт сел на дозаправку, Олег подошёл к канадцу. Тот, отступив от выложенной бетонными плитами площадки, говорил по мобильному телефону и улыбался.

– Удобная штука. – Олег показал на трубку. – Всегда под рукой. Аппарат не нужен, провод не нужен... – И соврал: – У меня тоже такой есть. Дома оставил.

Канадец предостерегающе поднял вверх указательный палец. По-прежнему улыбаясь, сказал в мобильник ещё несколько фраз и лишь потом отключил.

– Хорошая вещь, говорю. – Олег приложил к уху воображаемую трубку. Сейчас он жалел, что толком не выучил в школе английский. Приходится, как дикарю, объясняться знаками. Чем чёрт не шутит, может, это знакомство когда-нибудь пригодится. – Вери велл. Как у нас в рекламе говорят, весь мир на тарелке!.. – И Олег изобразил ладонями спутниковую антенну, парящую где-то высоко над ними в космосе. – Глобализейшн!..

– Так-так, добра рич, – неожиданно сказал канадец.

Олег опешил.

– Ты что, хохол?.. Вы, то есть.

Канадец засмеялся.

– Так, хохол. Мий дид у Канаду примандрував з Західної України. Е такий таун... э-э, мисто Черновицы.

– А, бывший бандеровец, понятно!

– Дид нэ е бандэровэць, – упрямо замотал головой канадец. – Пан Бандэра воював з нимцями та Советами пизниш. Мий дид з Австро-Угорської імперії примандрував, щэ до пана Бандэры...

Нужно было срочно менять тему разговора. Скользкое это

дело, национальный вопрос.

– Мой сикюрити, – сказал Олег, небрежно кивнув на охранника Илью, который ни на шаг не отходил от него. В вертолёте он снял с Олега наручники и теперь внимательно следил за каждым его движением. – Я деловой человек, бизнесмен, но ещё немного занимаюсь охотой. Так что, если нужен хороший мех, могу помочь. Ну, соболь там, лисица, белка... Жена мех любит?

– Айм диворсд...э-э, у шлюби нэ живу. До того ж люды з Грынпису у нас хутрови рэчи фарбою облывають. Кажуть, цэ е бэд, тварын вбываты.

– А с кем тогда по мобильнику ворковал?

– Та з сыном. Вин у колэджи навчається. Зараз в Монрэали ранок, я йому затэлэфонував, розбудыв.

Охранник Илья засопел и сказал вполголоса:

– Ни фи́га себе. От нас в Канаду звонит, сына будит!..

– Нормально, – веско заметил Олег. Он понимал канадского хохла с пятого на десятое, но на этот раз всё разобрал. – Глобализация, слышал такое слово? Чем вы только в своём банке занимаетесь!.. Глобализейшн, правильно говорю? – обратился он к канадцу. – Мир на тарелке, новые информационные технологии!..

Заправка вертолёта шла неторопливо. Внушительный гофрированный шланг торчал ещё в первом баке. Оба пилота и штурман, накинув короткие лётные куртки, вальяжно стояли у спущенной на землю дюралевой лесенки и шури-

лись на солнце. Пассажиры бродили вокруг устало опустившего лопасти вертолѐта. От площадки тянулась набитая снегоходами дорога к домику авиакассы, на котором виднелось выбеленное морозами приветствие прибывающим в село.

– Эх, мужики! – воскликнул вдруг Олег и крепко ударил кулаком в свою ладонь. – А ведь у меня был шанс! Вот такой шанс!.. Сейчас бы тоже приезжал в Россию в командировку, а жил за бугром, как ты, хохол. Везения не хватило!.. – От переполнявших его эмоций Олег плюнул под ноги.

– Не вешай лапшу, – хмыкнул охранник.

Канадец, поглядывая на них, непонятно улыбался.

– Здоровьем клянусь! – Олег на кавказский манер завращал глазами. – Сыном клянусь!.. Ладно, расскажу, – сказал он, быстро успокаиваясь. – Слушайте сюда.

Сказ об удачливом сопернике

– Был в моей жизни экстремальный период, мужики. Я вообще человек рискованный, по краю хожу, но не об этом сейчас речь. Мне в газете советовали о своей жизни написать – обещали с продолжением печатать, как бестселлер. Но это к слову. А если по делу, ситуация такая. Я тогда со своей росомахой практически не жил, были на грани развода. Скучная баба. Чего вы хотите, всю жизнь на звероферме. Какие у неё интересы? А тут молодая девчонка, студенточка, всё нормально. И в головке есть, и внешне всё на месте. Фейс

энд боди вери велл, йес, канада?.. Ну, почти фотомодель. Я тогда из деревни уехал, устроился в ЖЭКе. У меня восемнадцать профессий, клянусь! Я всё умею – и на бульдозере – пожалуйста, и корочки помощника капитана речфлота имеются, и помбуром могу у нефтяников!.. Допустим, понадобится сейчас вертолёт поднять. Не сумею, думаете? Х... рня! Всё людьми придумано, разобраться не проблема. При Советском Союзе я сезон в Туркмении змей ловил. У них яд для научных целей брали. Вот где кайф! Всё время на нервах. Ещё фаланги на каждом шагу и скорпионы – конкретно!.. Ага. Поступает, значит, вызов из девятиэтажки. Протекает туалетный бачок, соседи внизу хай подняли. Я звоню в квартиру. Открывает девулечка в очках, на глазах слёзы. Не знаю, как вы, мужики, а я от женщин в очках балдею. Очки им что-то такое придают... Не могу сказать! Очки с неё снимешь, она такая беспомощная становится, столько чувств к ней сразу... Хотел бы я того козла встретить, который ей бачок ставил. Гнилой всё-таки народ у нас! Бачок был с трещиной, так что этот мудила сделал? Краской трещину залил! Естественно, какое-то время она воду держала, а потом бачок стал подтекать. Главное, сразу не понять, почему. Лариска нервничает, мне тоже не в кайф – профессиональная гордость задета, сами понимаете. Но разобрался! Бачок заменил бесплатно, был у меня в записке. Потом пару раз заходил вроде как посмотреть, всё ли нормально. Хорошо познакомились. После одной халтуры я её пригласил в ресторан.

Выпили, повеселились. Потом, естественно, секс. В общем, женщина в моем вкусе. И я ей вроде понравился. Короче, закрутилось у нас. Но что-то, замечаю, Лариска моя постоянно на взводе. Чем ближе к лету, тем больше. Думал, перед госэкзаменами волнуется – она иняз в пединституте заканчивала. Потом чувствую, нет, другое. Стал выяснять. Опаньки, в июле у неё свадьба! Должна выйти за бывшего одноклассника!.. Он тоже институт заканчивает, но на большухе, оттуда они все родом. Насчёт свадьбы, оказывается, родители ещё год назад договорились. Я ей: что за дела? У нас Кавказ? Что за горские обычаи? Ты кого любишь, меня или его?.. А на Лариску мать давит. Эта жаба заведовала клубом в районе, специально купила в городе квартиру, чтобы было где молодым жить. А может, деньги отмывала, хрен её знает. Накручивает Лариску, дескать, подумай о перспективе. Кто он такой – я, то есть. А у того парня практически высшее образование. Опять же, мол, перед родственниками неудобно, они уже к свадьбе приготовились. Для их деревни это позор – невеста переметнулась. Короче, ситуация!.. Я Лариске сказал, сама решай. Сейчас понимаю, зря. За счастье надо бороться, а не прикидываться благородным фраером. Надо было круто с мамашкой потолковать, она мутила воду, жаба!..

Но соль, мужики, в другом. Важно то, что дальше вышло. А вышло, что после института Лариска устроилась в крутую фирму секретарём-референтом. Симпатичная, английский и немецкий знает, с компьютером ноу проблемс... Короче, её

там оценили. И как раз приехало начальство из Москвы. Вышла нестыковка, Ларискиного шефа на месте не оказалось, так она гостей сама приняла. Стол накрыла, чай, кофе, бутерброды с икоркой, светские разговоры. А высокое начальство к сибирским морозам не привыкло. Горячий чай с ромом им понравился больше всего. К тому же, прикиньте, если он приготовлен симпатичной, воспитанной женщиной. Короче, московский генерал забрал её к себе. Фирме, говорит, такие люди нужны, заботливые и внимательные. Забрал с мужем, этим пентюхом. Фирма сняла для них в Москве квартиру, мужа тоже пристроили на хорошие бабки. А потом Ларискиного нового шефа переводят в Германию, представлять фирму за рубежом. Шеф ехать без неё не захотел, тем более что она немецкий язык знает. Муж, естественно, при ней. Ничего не сделал, а живёт сейчас в Германии, нормально получает – фирма нефтью торгует! Короче, везунчик. Вот так я пролетел, мужики!..

Несколько секунд все молчали.

– А чего её так начальство любит? – простодушно поинтересовался охранник Илья. – Обычная секретарша. Странно даже как-то.

Канадец ухмыльнулся и почесал в затылке.

– Не знаю! Не в этом дело! – загорячился Олег. – На месте её мужа мог быть я, вот главное! И не с вами бы сейчас стоял, а в нормальном офисе где-нибудь в Берлине сидел. Рейн за окном, зарплата в дойчемарках!.. – Олег вдруг повернулся в

сторону вертолѐта и гнусаво запричитал: – Валентин Степанович, отец родной, ну, где же ты там прячешься? Покажи ясное личико! Истосковался я, тебя не вижучи!..

В школьном дворе, обсаженном хилыми берёзками (каждое лето их объедали деревенские коровы), Трифоныч увидел внука. Медно-рыжего Генку обступили ребята постарше, с любопытством заглядывали в руки. Там что-то пищало, требовало к себе внимания. Подойдя, заглянул через головы и Трифоныч.

– Это томагочи, игрушка такая, – довольный общим к себе интересом пояснил внук. Он нажимал на кнопки, смотрел на миниатюрный экран. – Я её должен накормить, а то сдохнет.

– Игрушка? – переспросил Бусыгин. Сказал это насмешливо и преувеличенно удивлённо, как разговаривают в таких случаях с детьми. Но не понимал он по-настоящему. – Говоришь, игрушка может сдохнуть?..

– Ага, папа недавно привёз. Сейчас я ей банан... Не хочет! А яблоко?.. Тоже не хочет. Йогурт... О, йогурт съела!

Томагочи престала пищать. Генка, сбив на затылок вязаную шапочку, громко выдохнул и вытер со лба несуществующий пот. Огненно-рыжий чубчик победно топорщился. Ребята вокруг завистливо смотрели на Генку.

– Отец дома?

– В городе! – легкомысленно бросил внук, упиваясь общим к себе вниманием. Он покраснелся, глаза счастливо блестели.

«Олежка, копия! – Трифоныч иронично пошевелил бровями. – Хотя и рыжий».

– Скажи матери, пусть зайдет ко мне, дело есть... Смотри не забудь.

– Сам скажи, некогда мне! – Генку несла безразличная ко всему на свете волна счастья. Зажав томагочи в руке, он побежал к калитке. Пацаны, как привязанные, потянулись за ним.

Бусыгин качнул головой. И этот не в его породу!.. С тем, что сын удался в жену и толку с него не будет, он давно смирился. Но ведь должны же когда-нибудь сказаться и его гены! Разве можно, чтобы на нём, Трифоныче, всё закончилось? Он не сам по себе, за ним отец, дед и бог знает сколько ещё поколений работающих и рассудительных мужиков. Не может так быть, чтобы их порода не проклянулась в ком-то!..

Он поднялся по бетонным ступенькам двухэтажного типового здания. В школьном коридоре со стенгазетами, белеющими в простенках между дверями классов, было тихо. Уроки, как Бусыгин и рассчитывал, закончились, никто его разговору с Михаилом Филимоновичем не помешает. Костяшкой согнутого пальца он осторожно, уважительно стукнул в директорскую дверь.

– А, Павел Трифонович, заходи! – Директор тяжеловесно поднялся навстречу, протянул большую мягкую ладонь. – Кстати пришёл, хочу твоё мнение узнать. Ну-ка, оцени!

Задевая по пути стулья, Михаил Филимонович прошёл к

шкафу и достал пальто.

– Наконец-то построил. Черти, протянули до конца зимы! Три раза в город летал на примерку... – Он влез в добротное, с барашковым воротником двубортное пальто. Застегнул пуговицы и, вскинув голову, потоптался перед Бусыгиным. – Ну, как тебе?

Многое в этом человеке нравилось Бусыгину. И то, что директор весил килограммов сто с гаком. И то, что в свои шестьдесят был ещё крепким, пусть и полностью лысым, мужчиной. И что как к равному относился к нему, зверофермовскому повару.

Но больше всего располагало и делало близким то, что они с директором одного поколения. Понимают друг друга сразу. Для молодого, например, странно слышать, что пальто можно построить. А ему, Трифону, тотчас вспоминается пятьдесят девятый год, приятная тяжесть пачки больших, в тетрадный лист, сторублёвок, которую он получил в конце навигации и которую всё время ощущал в нагрудном кармане. Вспоминается обходительный еврей в ателье индпошива в Сургуте, его жилетка и перекинутый через шею сантиметр, вопрос: «Какое пальто желаете построить? Демисезонное, зимнее или макинтош?..» Плотогоны рядом со значительным видом щупают образцы материи, морщат лбы и выпячивают губы, а лоцман Коровкин роняет: «Ты хорошее пальто построй! Не всё ему в телогрейке ходить. Женим парня!»

Одно слово, а сколько всего!..

– Сейчас, конечно, мода другая. – Михаил Филимонович стал снимать пальто, так же покряхтывая, неуклюже, как и надевал. Голос его прерывался. – Сейчас в основном... куртки и дублёнки... а мне пальто по душе. Настоящая вещь и... и солидно...

С порозовевшей от проделанных усилий лысиной он вернулся за свой директорский стол, кивнул на ближний стул.

– Садись, Павел Трифонович. Так как тебе моя обновка? Сидит? По фигуре?

– В самый раз, – отозвался Бусыгин. Он пришёл просить, зависел сейчас от директора, но похвалил искренне. Впрочем, сразу к делу не приступишь, нужно с подходом. И он спросил: – А где ты ателье для мужиков отыскал? Сейчас их, считай, не осталось. Все готовое покупают.

– Захочешь – найдёшь, – довольно ухмыльнулся Михаил Филимонович. – Себе заказать хочешь?

– Дак лето на носу, куда?

– За летом зима приходит.

– Так-то оно так... С деньгами негусто.

Жаловаться на отсутствие денег в их возрасте было несолидно, однако очень уж хороший выходил поворот на нужную тему.

– Тебе ли говорить, Павел Трифонович! Крепкий хозяин, если по-советски, не обижайся, кулак. Счёт в банке, полагаю, имеешь, да не один...

Бусыгин преувеличенно громко засмеялся. Такие разговоры ему не нравились, в обычное время он их быстро пресекал. Здесь нужно было потерпеть.

– Ты скажешь, Филимоныч! Хозяйство есть, а куда сбывать? В город на вертолёте возить? Да это я одну дорогу окуплю. А что наши деревенские у меня молоко берут, так только на корма выручки хватает!.. Сейчас вон надо яловую корову убирать, а куда мясо девать? Все на ножки Буша перешли, их в магазине, как грязи. Разве что ты для столовой возьмёшь? Мясо хорошее, корова здоровая. Если б не яловая, ни за что убирать бы не стал.

Бусыгин выжидающе смотрел на директора. Тот завозился в кресле.

– Почём за килограмм хочешь?

Трифоныч назвал цену. Директор потянулся к стоящему сбоку от стола компьютеру, стал перебирать клавиши. Его пухлые пальцы бегали уверенно, будто Михаил Филимонович всю жизнь занимался этим.

Бусыгин наблюдал за ним со смешанным чувством. Они с директором почти одногодки, Филимоныч запросто управляется с этой непонятной техникой, а он не знает, с какого боку к ней подойти. «Зачем она мне? – попробовал успокоить себя Бусыгин. – Считать, сколько саней навоза на огород вывезу?..» Но всё равно отчего-то было досадно. Будто оказался молодой в городском доме культуры среди расфуфыренных девчат и парней при галстуках, а сам припёрся в са-

погах и с гармошкой.

– Ничего не выйдет, – сказал наконец директор, отыскав что-то в компьютере. Он зорко смотрел на экран. – На оптовом складе аргентинская говядина в два раза дешевле. Первая же ревизия из меня душу вытрясет.

– Филимоныч, я не задираю цену, не думай! Я посчитал, во что мне обошлась корова. Сам знаешь, сена накопить и привезти, а это бензин. Приплюсуй уход, комбикорм... Дешевле никак!

– Да верю я тебе, верю!.. – замахал на него руками директор. – Вот только ревизоры разбираться не будут. Напишут, государственные деньги не берегу. Или, дескать, за взятку.

Бусыгин замер, задержал на директоре взгляд. Намёк, что ли? Может, в самом деле дать?.. Тушу, конечно, можно продать по частям, но хорошо бы сразу.хлопот меньше, да и тепло становится на дворе, мясо может завонять.

– Ты что на меня так смотришь? – засмеялся Михаил Филимонович. – Что подумал?.. В самом деле, не могу, Трифоныч, не обижайся! Аргентинское дешевле. Ты не переживай, наши деревенские раскупят у тебя за день. Ножки Буша всем уже поперек горла, нормального мяса люди хотят.

Трифоныч поднялся, посмотрел в сторону, отчужденно сказал:

– Извините за беспокойство.

Прежде чем выйти, на компьютер у директорского стола он взглянул, как на личного врага.

Заколебали алкаши!..

Наталья отошла от плиты и резким движением отбросила тюль на окне. Скоро Генка придёт из школы, а у неё суп ещё не готов.

Так и есть, господин Кашпировский собственной персоной! С большим достоинством, словно не деревенский пьянчуга, а высокородный испанский гранд, стоит у окна и постукивает в раму.

Наталья привычно поднялась на стул, выглянула в форточку.

– Чего?

– Понимаешь, Михайловна, я здесь сети потряс, – хорошо поставленным баритоном, по-актёрски начал Кашпировский. – И первая мысль, разумеется, о тебе! Надо, думаю, Михайловну угостить. Щука сейчас идёт весенняя, икраяная, полезные витамины и прочие ферменты из неё так и прут, так и колобродят!..

– Больше одной бутылки не дам, – оборвала поток красноречия Наталья. Из форточки остро тянуло, она запахнула на груди халат. – Сколько у тебя в пакете?

Кашпировский оскорбился, но в меру – так, чтобы Наталья не приняла это за несогласие.

– Михайловна, здесь минимум на три бутылки!.. – Он под-

нял вверх раздутый целлофановый пакет с полустёршимся рисунком. И сразу же добавил: – Но для тебя уступаю за одну, так тому и быть. Слаб, понимаешь, не могу отказать красивой женщине!..

Наталья пошла в неотопливаемую комнату, служившую складом, взяла из картонного ящика бутылку водки. Кашпировский ещё ладно, можно послушать его болтовню. А другие ломаются среди ночи, пьяные, наглые, и все хотят в долг. Не дашь – ты для них враг.

Сколько она уже повторяла Олегу, от спиртного надо отказываться! Пусть будет обычный ассортимент. Вагончик Змановских уже сожгли – всё из-за водки. Олежке весело: конкурентов убрали. Их тоже так могут убрать! У Змановских хоть вагончик, а у них всё в доме. В случае чего – где прикажете жить?..

Если бы она ещё пользу от этой торговли видела. А то неизвестно куда всё уходит. Устала она от такой жизни, от Олежкиных авантюр. Может, в самом деле уехать?.. Пусть решает, что для него важнее, семья или его дурацкий бизнес, от которого одни проблемы.

– Премного благодарен, – расшаркался Кашпировский. – Прикажете ещё принести?

– Куда мне столько! Я, по-твоему, продавать беру? Для семьи!..

Вышло сварливо, почти что скандально, Наталья это сама почувствовала. Вообще последнее время она какая-то заве-

дённая. С такой жизнью станешь заведённой!..

Не успел пообедать вернувшийся из школы Генка, как появился свёкр. Наталья удивилась – заходили они друг к другу редко. Всё, что нужно, говорили или передавали на работе.

– Ну, как живёте-можете?.. Смотрю, у Генки новая игрушка, тамагучи какая-то. – Свёкр снял в коридоре унты, в шерстяных носках прошёл на кухню.

– Не тамагучи, а томагочи! – с готовностью отозвался Генка, опустив ложку в суп. – Ты хоть запоминай, как правильно!..

Свёкр хмыкнул:

– А то не проживу, если не запомню... Ты шустрее ешь. Мне с мамой поговорить надо. – Он старался, чтобы слова звучали легко, весело, но Наталья почувствовала, свёкр чем-то раздосадован.

– Есть будете?

– Что-то неохота. – Свёкр опустил на стул, принялся молча постукивать пальцами по столешнице.

– Давай быстро, – заторопила Наталья сына. – Полчаса сидишь, мухи уже на коньках по твоему супу катаются.

Генка захихикал, но суп доел быстро.

– Слышал, ты уезжать собираешься? – сказал свёкр, когда внук ушёл в комнату и включил телевизор. Его мохнатые брови шевельнулись. – Правда, что ли?

Наталья удивилась:

– С чего вы взяли? Кто сказал?

Ну, бабы, уже сообщили!.. Только раз и вырвалось у неё на звероферме, что родители зовут к себе в Приморье. Отец устроился в какую-то китайскую фирму, получает неплохо, найдётся работа и для неё. О том, что живут они с Олегом неважно, родители знали.

– Сказали... В самом деле, что ли?

Наталья помолчала.

– Не знаю... Сами видите, жизни не получается. Я уже и так на многое глаза закрываю...

– Мне твои мать с отцом нравятся. Хозяйственные, – перевёл разговор на другое свёкр.

Наталья не удивилась: понять можно, кому хочется о собственном сыне слышать плохое? Хотя сам Трифоныч тоже не очень с Олежкой ладит.

– Мать у тебя шустрая, за полчаса ведро клюквы набирала, – продолжал своё свёкр. – Наши деревенские даже удивлялись. Всю жизнь в лесу прожили, а какая-то приезжая их обставляет, понимаешь!..

В прошлом году родители гостили в Рябинках. Мать, действительно, не вылазила из леса. Отец, как всегда, при ней. Клюква с брусникой, которые они за неделю собрали, купили им обратную дорогу. Ещё с собой увезли. «Волнистые попугайчики, – подумала о родителях Наталья. – Такие же дружные, всё время вместе». Раньше она считала, так в каждой семье. Нет, оказывается...

– Ты, Наташа, не удивляйся, что я скажу. Сначала поду-

май. Раз уж так у вас с Олегом получается... – Свёкр запнулся. – В общем, переходи ко мне жить. Ты женщина серьёзная, мне подходишь. Олег не ценит, я – ценю. А что молодой, так это ещё как сказать. От другого и в тридцать лет никакого толку.

Наталья не сразу поняла смысл сказанных свёкром слов – настолько всё было неожиданно и дико. Павел Трифонович между тем продолжал, почему-то всё больше ожесточаясь:

– Олег что, настоящий отец? Подарками балует, а дома почти не живет. У Генки скоро такой возраст, что нужна мужская рука. Где она? Какая тебе помощь?.. Если боишься, что по хозяйству надо работать, то загружать не буду. Мы с Андрюхой сами справимся, делать тебе ничего не надо.

Наталья неловко засмеялась.

– Предложение делаете?..

Сказанное свёкром никак не укладывалось в голове.

– Да хоть так. Захочешь – распишемся, всё как положено! С Татьяной разведусь, пусть живёт в городе у своей дочери! Всё равно... – Свёкр спохватился, сбавил тон. – Я тебя не тороплю. Понимаю – так вот сразу... Ты подумай хорошо. Я серьёзно.

Не глядя на Наталью, он вышел в коридор, стал одеваться. Через минуту за ним хлопнула дверь.

Наталья постояла посреди кухни. Потом медленно прошла в комнату, обняла Генку и прижала к себе его голову. Из глаз потекли слёзы.

Было горько и очень обидно.

Едва не свалив с ног вихрями из-под винта, вертолёт ушёл вверх и в сторону. На несколько секунд Олег и охранник застыли на месте, повернувшись спинами к вертолётной площадке и вцепившись в шапки на головах.

Поднятый лопостями снег быстро оседал. После грохота в салоне вертолёта тишина на земле казалась неестественной.

– Определяемся конкретно. – Олег смотрел вслед торопливо удаляющемуся от площадки Валентину Степановичу. – Отсюда я никуда не убегу, так что браслеты свои спрячь, Илюха. Деревня, сам понимаешь, неправильно поймут... – И вдруг горячо, вполголоса забормотал, наклонив вниз голову: – Ты покупатель, приехал смотреть пиломатериал! Обещаешь быстро расплатиться. Выручай!..

Со стороны села, хмуро глядя в их сторону, приближались два молодых мужика. Олег бодро направился им навстречу.

– Всё нормально! Пятьдесят кубов обрезной доски пристроил. Вот со мной представитель фирмы, хочет посмотреть качество. – Олег повернулся к охраннику. – Илья Эдуардович, сразу пойдём на пилораму или сначала перекусим?.. Предлагаю сначала перекусить.

Мужики смотрели то на охранника, то на Олега и уходить не спешили. Настороженность и обида читались на их лицах.

– Каждый раз к вертолёту выходим, – заговорил один из

них, сурового вида крепыш в тельняшке, видневшейся в вороте куртки. – Ты когда ещё обещал деньги привезти?.. Полгода без зарплаты. Мы что, даром на тебя пахать должны?!

– Мужики, всё будет путём! Какие вам ещё доказательства? Сегодня Илья Эдуардович посмотрит, через пару дней деньги на счёт придут, рассчитаюсь! Точно говорю!

Встретившие потоптались.

– Хлеба не на что купить...

– Здоровьем клянусь!

– Смотри, Олежка, допрыгаешься.

– Ну вы, ей-богу! Я же сказал!.. Илья Эдуардович, пойдёмте, мой дом здесь недалеко, перекусим.

Когда молодые мужики свернули в переулок, охранник поинтересовался:

– У тебя своя пилорама?.. Нехило!

– По дешёвке купил, когда рыбоучасток развалился. Проблема в другом – пиломатериалы некуда девать... Как же он мне нагадил! Как нагадил!..

– Кто?

– Сорокин! Ну, Валентин Степанович, глава наш!.. Пенсионерам дома надо ремонтировать, так он лучше стройматериал из города завезёт, а у меня не купит. Везде облом!..

– Зимник содержать не дал, пиломатериалы не берёт... Чего он к тебе так?

Олег ответил не сразу.

– Длинная история... Обидчивый очень.

Прошли ещё несколько метров. Охранник хмыкнул:

– Почему ты решил, что я – Эдуардович? Я Иванович.

– Эдуардович солидней. Больше доверия.

Дома Олег развил бурную деятельность. Пока Илья ходил по комнатам, придирчиво заглядывал в подпол и на чердак, проверял, надёжно ли закрыты окна (работа!), Олег позвонил по телефону и заказал привезти две бочки воды. Второй звонок был Кашпировскому (кличка, насторожился Илья), тот должен был прийти и затопить баню.

Олег сновал по дому. Счастливый Генка хвостиком следовал за ним. На кухонном столе стремительно росло количество банок с венгерским лечо, томатами и огурцами, из большой холодильной камеры появились копчёные куриные окорочка, сыр, шпик, колбаса салями.

– У тебя, как в оптовом складе.

– Почти угадал, – польщённо отозвался Олег. – Торговую понемногу. Наличка нужна. Мы сейчас по-быстрому, по-холостячки. Жена на работе, у них на звероферме гон. Расстреляй её, раньше шести не придёт, стахановка!.. Садись, что ли.

Пить охранник категорически отказался. Олег понимающе кивнул – служба. Налил себе стакан и легко, с удовольствием выпил. Илья повёл головой, то ли осуждая, то ли с восхищением. Мужика со всех сторон обложили, берут за горло, а ему хоть бы что!..

Второй стакан Олегу выпить не дали. Раздался стук в

дверь и появился, видимо, тот самый Кашпировский – с недельной щетиной, но большого достоинства человек в за-терханной болоневой куртке.

– Давай ключи от бани. – На стол Кашпировский старался не смотреть, до предела отвернув голову в сторону. Но глаза сами собой косили на снедь и бутылки.

Олег принёс ключи, сметливо взглянул на Кашпировско-го.

– Без комментариев!.. Налью, но только одну. Ты и так, вижу, весёлый, а мы попариться хотим.

Он достал из буфета гранёный стакан, налил до половины. Кашпировский, стоя у дверей, принял стакан обветренной красной пятернёй и прочувствованно сказал:

– За что я тебя, Палыч, уважаю, так это за гуманизм!

– Между прочим, он чугунную сковородку на груди дер-жать может. Целую минуту!.. – Олег, не обращая внимания на слова Кашпировского, живо повернулся к Илье. – Висит, как приклеенная! И пять вилок.

– Шесть, – выпив, поправил Кашпировский.

– И где, думаешь, заряжается?.. На кладбище!

– Астрал там мощный, – солидно подтвердил Кашпиров-ский. – Наблюдается прямая связь с космическими силами.

– Не веришь? – Олег пытливым взглядом смотрел на охранника. – Сейчас мы тебе докажем, что рябинковские мужики не паль-цем деланные! Генка, тащи сковородку!..

Кашпировский по-актёрски выставил вперёд ладонь.

– Не будем опошлять действо суетой, Палыч. Насколько я понимаю, товарищ примет участие в банных процедурах. Отложим до этого сладостного часа!.. – Он значительно кашлянул, покосился на бутылку. – А тебе, Палыч, хочу сообщить любопытную новость. Сегодня утром, проверяя сети в протоке у Белой горы, я заметил твоего дядю. Николай Трифонович собственной персоной катались на лыжах. Я хотел было подойти поздороваться, но охрана, эти церберы, этот позор демократии, не допустили.

– Не понял! – Олег стремительно подался вперёд. – Николай Трифонович – у нас? В Сиротском Приюте?..

– Если, конечно, я не ошибаюсь. Что вряд ли. Твой дядя самолично осваивал технику горнолыжного спуска. – Кашпировский заговорил голосом Ельцина: – Мода, понимаешь, сейчас такая. Вчера, понимаешь, был теннис, сегодня, понимаешь, горные лыжи...

Несколько мгновений Олег сидел неподвижно, потом хлопнул себя по коленке и решительно поднялся.

– Едем!

– Ты не наглей, – насторожился Илья. – Знаешь, какие насчёт тебя я инструкции получил?

Олег бросил взгляд на Кашпировского и стал поспешно толкать его к двери.

– Займись баней, воду уже привезли!.. – Генку без слов выпроводил в комнату с телевизором и шёпотом закричал охраннику: – Такой шанс раз в сто лет бывает! Дядя, дол-

ларовый миллионер, отдохнуть приехал в родные места! У него перехвачу, сразу со всеми рассчитаюсь! С банком – тоже!.. Ты премию получишь и повышение по службе! Начальником будешь!..

Илья на всякий случай смотрел на него снисходительно-иронично.

– Мне и на своей должности хорошо.

Он сомневался. Нужно было всё взвесить. Заранее договориться с Кашпировским Олег не мог, это понятно, – всё время находился рядом, никуда не отлучался. Значит, с дядей так оно и есть. Может, в самом деле дать шанс?.. Подопечный ему достался шебутной, с закидонами, но на подлянку, похоже, не способный.

Кстати, в банке действительно могут оценить его инициативу. В первом же самостоятельном деле не ударил в грязь лицом, принял перспективное решение...

– Это далеко?

– Сиротский Приют? Полчаса на «Буране»!

– Хрен с тобой. – Илья сунул руку под мышку, достал пистолет. Несколько раз, будто проверяя, щёлкнул предохранителем, потом опять спрятал. Пусть видит. – Ладно, заводи свой «Буран»!

Трифоныч был недоволен собой. Какого чёрта после директора сразу сунулся к Наталье?! Надо было подождать. Неудача одна не ходит, она пару любит. Похоже, перепугал сноху. Теперь она не то что к нему жить не пойдёт – обходить станет за километр. Или ещё лучше: Олежке расскажет. У молодых ведь как, сегодня ругаются, а переспали – всё у них по-хорошему.

Работник ел сало с хлебом, запивал чаем и, задрав вверх лицо, смотрел телевизор. Это его идея – пристроить телевизор под самый потолок, где у людей когда-то иконы висели. Говорит, так в кино у американцев в барах, чтобы всем видно было. Американец...

– Андрюха, ружье после охоты чистил?

– Кажись, да. А что?

Трифоныч едва сдержал злость. «Кажись»!.. Надо не «кажись», а точно – пришёл, почистил, смазал, чтобы наготове было!.. Ругаться на Андрюху нельзя, психованный. Говорит, в Чечне контузило, когда служил контрактником. Чуть что – срывается с места и с матом и криками убегает из дома. Через день-два, правда, возвращается, кому он в деревне нужен. Но без него с хозяйством трудно приходится.

– Комолую больше не корми. Завтра убирать буду.

– Застрелишь?

– Не глотку же резать... Я сейчас на звероферму, а ты целлофан найди, на котором скотину разделываем. Помой.

– Жаль... Ласковая корова.

Бусыгин остро взглянул на работника. Неужели то, что ему как-то показалось, правда? Он зашёл тогда в стайку неожиданно, и Андрюха, как ошпаренный, отскочил от коровы, отвернулся, стал быстро заправляться...

Бусыгин отвёл глаза. Его дело. Хотя мог бы бабу завести, в Рябинках их хватает. Хозяйственных мало, но для этого дела хозяйственность не нужна. Мог бы ту же Марго, охотку сбить. Говорят, никому не отказывает.

– Ласковая... Корм зря переводит!

В телевизоре изнывала от любви певица. Она протягивала вперед руки, её растопыренные пальцы дрожали, а на лице было столько страдания, будто у девки в одночасье умерли все родственники. Голос у певицы был ничего, приятный, но в нём прорывались особые звуки. Так – утробно, призывно – мяучат кошки, когда хотят кота. Вдруг из-за спины певицы выскочили два парня в блестящих облегающих брюках и в распахнутых до пупков рубашках. Подхватили страдалицу с обеих сторон под мышки и подняли в воздух. Она, мученически откинув голову, секунду висела крестом, потом парни осторожно опустили её на пол и принялись петухами похаживать вокруг. Певица перестала петь и под музыку бросалась то к одному на голую грудь, то к другому. Наверно, не могла никак выбрать...

«Смех смехом, а ведь и в жизни так», – подумал Трифонович. Люди считают, что сами влюбляются, сами находят себе пару, а это природа или, кто его знает, бог из тебя самого, изнутри подаёт знак – мол, пора, надо оставить детей, продлить род. Не на тебе он начался, не на тебе должен закончиться.

Зачем это природе или Богу – неизвестно. Не только со людьми, а вообще со всем, что живет: деревьями, животными, травой. Эта главная, всем управляющая сила хитрая, может быть, подлая. Заманивает любовью, приятным, человек сначала не понимает, для чего. Думает, такой подарок тебе от жизни. Держи карман шире!..

Перехитрить Бога надо – вот главное. Он рассчитывает, тебя на крючок поймал, ему всё равно, что из твоей любви выйдет. Но голову всё же дает – так думай!.. Мало того, что самому обидно, так, может, ещё отвечать придётся, почему на тебе прервалась линия работающих мужиков – ведь кто его знает, как оно там, после смерти, бывает. Не перед Богом отвечать – тому всё равно, иначе не позволял бы многого, что делается в жизни. А вот что скажешь отцу, деду, его родителю, если встретиться придётся? Те-то, видно, думали об этом, делали так, чтобы правильно было.

Жаль, понимаешь это поздно. В молодости бы знать, так не на смазливое лицо и толстую задницу смотрел бы, на эти божьи приманки! Или ещё не поздно? А?..

Поев, Андрюха стал наводить марафет. Достал ботинки и

принялся начищать кремом из импортной баночки. «Видно, вечером собирается куда-то идти, – отметил Трифоныч. – Чего у Андрюхи не отнимешь, так это аккуратности в одежде. Любит выглядеть на людях прилично. Пусть даже всего людей-то – его приятели, рябинковские алкаши вроде Кашипировского».

Трифоныч уже хотел было сделать замечание – кто чистит ботинки на кухне, сейчас вонь пойдёт! – но подумал, что нынешние обувные кремы не воняют. Наоборот, чем-то приятным пахнут. Это не гуталин, которым он сам всю жизнь пользовался.

Трифоныч с новой досадой подумал, как много всего переменялось вокруг. Ладно бы только компьютер в кабинете у директора или это Генкино придурочное томагучи. Вроде незаметно, но ведь всё это на его веку – и керосиновые лампы, и телевизоры с видами. До космоса добрались, чего только сейчас там не летает!..

Знак для таких, как он? Другая жизнь пошла, а они, старое поколение, задержались в ней? Сейчас, дескать, всё другое, зарабатывают не горбом, как раньше, а головой. По телевизору показывали, какой-то американец стал миллионером – придумал новую компьютерную игру. За игру – миллион! Добро бы за путное!..

– Х...р вам! – сказал он и ударил левой рукой по сгибу правой.

– Ты чего, Трифоныч? – Андрюха смотрел на него весё-

лыми глазами.

Бусыгин крикнул. Забыл, что работник рядом. Достали его сегодня.

– Насчет целлофана не забудь. Я пошёл.

Но спокойно уйти не дали. У калитки он столкнулся с Нефёдовой.

– Здравствуй ещё раз, Паша, – сказала Валентина. – А я к тебе.

Трифоныч покосился.

– Чего?

– Дак проведать. Ты ж теперь один, холостякуешь. Может, для чего пригожусь... – И Валентина подмигнула сразу обоими глазами, по-другому у неё не получалось.

Бусыгин на секунду даже остановился. Бессовестная баба! И наглая. Ведь не поймёт, чего ему на самом деле надо. Да и с какой стати с ней, дурой, откровенничать?..

– Чем ты можешь пригодиться? – Закрывая за собой калитку, он опустил глаза, сделал вид, что не понимает. – Мы с Андрюхой сами управляемся. С готовкой и так, по хозяйству...

Валентина засмеялась, щёчки в склеротических жилках собрались в тугие пунцовые яблочки.

– Дак женщина не только для работы нужна!.. – Она толкнула Бусыгина в бок локтем. – Ты как без Татьяны целый год обходишься-то? Говорят, она к дочери потому сбежала, что ты очень уж... ну, жеребец. А я ещё ничего, у меня инте-

рес к этому делу есть. Была бы помоложе, в город уехала, нашла бы себе клиентов. А чего? Сейчас рыночные отношения, что нравится, то делай. Проститутки хорошо зарабатывают и удовольствие получают, по телевизору рассказывали... Рано мы с тобой, Паша, родились, ох, рано! Нам бы чуток попозже!.. Ну, так чего? Когда прийти, чтобы ты дома был?

Трифоныч искал глазами вокруг что-нибудь поувесистей. Но ничего подходящего не попадалось.

– Валентина, предупреждаю тебя, – сдавленным голосом заговорил он. – Ещё раз подойдёшь ко мне с такими разговорами, не обижайся! Забора не пожалею, а отхожу тебя колом! Постесняйся, дура старая! Чего несёшь!..

Нефёдова поджала губы.

– Не подхожу, значит. В голодуху подходила, теперь нет. Кто побираться приходил на конюшню? Тогда дурой не обзывал, что говорила, всё-о-о делал!..

Бусыгин в сердцах махнул рукой, повернулся и зашагал на звероферму. Не драться же с бабой в самом деле.

Оказывается, всё помнит. Последние слова больно задели. И вообще, когда вспоминаешь об унижениях, всегда больно.

Сватовство

Из Сургута на Ан-2 прилетели в Ларьяк, оттуда по» верёвочке» вместе с почтой добирались до Рябинок. Лоцман Коровкин, весь сплавсезон не бравший капли в рот, теперь не

просыхал. Павел уже начинал беспокоиться. Как-никак ехали свататься, а если сват заявится к Татьянинному отцу пьяный, какое к ним будет отношение?..

Коровкин время от времени садился в санях, дикими глазами озирался по сторонам. Его тонкий хрящеватый нос со светлой, натянутой на горбинке кожей словно приплюхивался. Дорога шла по Ваху, повторяя все петли реки, с обоих боков тянулась однообразная тайга. Наткнувшись взглядом на Павла, Коровкин спрашивал:

– Едем?

Получив утвердительный ответ, доставал из кармана бутылку водки, делал несколько глотков и опять заваливался между рогожными мешками с газетами и письмами.

– Дядь Вань, замёрзнешь, – толкал его Павел. Ему самому в санях не сиделось, чем меньше оставалось до Рябинок, тем больше он волновался. Последние несколько километров перед деревней он шёл за санями, то и дело закуривая и ломая спички.

– Ни хрена мне не будет, – бормотал в ответ Коровкин. – Нагреби сена на ноги.

Иногда он, раскинувшись на мешках с почтой, принимался рассуждать:

– Ты вот скажи мне по-свойски, Пашка, чем тебе моя Тармарка не пара? Ну, скажи!.. Здесь и здесь – всё при ней. Или какая-нито её подруга, Валька, например, а?.. Какого мы хрена прёмся в эти твои Ромашки?..

– Рябинки.

– Пожалуйста, пусть будут Рябинки!.. Девки, скажу тебе, все одинаковые. Бабы – разные. Как воспитаешь, такой будет. Я тебя за то уважаю, что доказать своё хочешь. Она тебе до армии от ворот поворот, а ты всё равно на своём!.. С ребёнком берёшь. Кто, пацан или пацанка?

– Не знаю. – Павел косился на возницу. Тот, похоже, прислушивался к их разговору. Хотя мужик и не рябиновский, но лишние уши всё равно были ни к чему.

– Во, не знаешь! – легко переходил от одобрения к осуждению пьяный Коровкин. – И почему от мужа ушла, не знаешь!.. Может, твоя краля – чёрт в юбке, а ты её за себя берешь... Ладно, ты зелёный, хотя в армии был ефрейтором. Я-то, старый х...р, чего в это дело впутался? Какого хрена мне надо? За тыщу вёрст киселя хлебать!.. С другой стороны, ты сирота. Это понимать надо. Кто поможет, как не Иван Иванович Коровкин, фронтовик и тоже сирота? Доля наша горькая, сиротская!..

Но всё это происходило, пока ехали. В Рябинках Коровкин преобразился. Проспался и о водке напрочь забыл. Чисто выбрился, надушился тройным одеколоном и ходил по избе, нетерпеливо потирая руки.

Вечером они пошли в клуб – оба в добротных драповых пальто с серыми барашковыми воротами и в пыжиковых шапках. Коровкин быстро завязал знакомство с мужиками, пришедшими посмотреть новый фильм. Распахнув полы

пальто так, чтобы были видны медали и орден Красной Звезды, он сел между ними на лавку и принялся угощать «Казбеком».

Павел вышел в тёмный тамбур. В ожидании фильма, а за ним танцев парни курили, сплёвывая на пол, и травили анекдоты. На несколько секунд освещая тамбур светом висящей над клубным крыльцом лампочки, открывалась дверь, и с улицы появлялись раскрасневшиеся девчата в плюшевых жакетах и пуховых платках. По одной они входили остерегались, заваливались целой оравой, но это им не помогало. Стоило входной двери отсечь свет, как парни бросались их лапаты. Отбиваясь и визжа, девчата старались поскорее проскочить в зрительный зал.

Гришки Алябьева, сына безногого фронтовика Алябьева, в доме которого Павел и Коровкин остановились, не было. Павел это определил, как только открылась дверь на улицу. Наверно, всё ещё чинил трактор. С Гришкой Павел начал переписываться, когда служил в армии. Это Гришка в последнем письме сообщил ему, что Татьяна развелась со своим милиционером и вернулась к родителям.

За время, которое Павел не был в Рябинках, молодежь подросла, и он почти никого не узнавал. Павел толкнул дверь, вышел на крыльцо и тоже закурил. Из темноты появлялись люди, обметали веником валенки, поглядывали на богато одетого парня. У Павла каждый раз ёкало сердце, когда ему казалось, что к крыльцу идет Татьяна.

– Здорово, – раздалось откуда-то сбоку и снизу.

Павел обернулся. Перед ним стоял пацан лет десяти и солидно, как взрослый, протягивал руку в варежке.

– Здорово, коль не шутишь. – Усмехаясь, Павел пожал детскую ладошку.

– Я тебя знаю, – сказал пацан. – Ты на нашей Таньке жёниться хотел. Я тогда ещё в школу не ходил.

Павел помолчал. Потом, стараясь, чтобы голос звучал всё так же уверенно-покровительственно, спросил:

– Сестра кино придёт смотреть?

– Не-а, дома будет сидеть. Малую нянчить. Батя говорит, сама родила – сама расти, на нас с матерью не надейся. Батя хочет, чтобы Танька к мужу вернулась.

В горле у Павла запершило, он несколько раз с натугой кашлянул. И чтобы хоть что-то сказать словоохотливому пацану, спросил:

– Тебя как зовут?

– Серёга, – ответил пацан. И похвастал: – Я председатель совета отряда, ага! Наш класс на Октябрьские в пионеры приняли. Я их всех заставлю учиться на четыре и пять, как пионеры должны. Смотри! – Он расстегнул ворот пальто и показал красный галстук.

После улицы особенно чувствовалось, как сильно накурено в клубе. Вот-вот должен был начаться фильм. Киномеханик, молодой паренёк, за спинами зрителей в конце зала уже настраивал кинопередвижку, стараясь поместить осле-

пительно-белый прямоугольник света в границы простыни над сценой, служившей экраном. С задних рядов, где сидела молодёжь, то и дело раздавался хохот. Все лузгали семечки и, не таясь, бросали шелуху под лавки.

– Дядь Вань! – позвал Павел и поманил к себе Коровкина.

Тот с явным сожалением оторвался от разговора с мужиками и стал пробираться между лавками, задевая спины и колени сидящих.

– Ну?

– Пойдём к ним домой. Она в клуб не придёт.

– Так я тебе сразу предлагал! – с готовностью подхватил лоцман. – Чего дипломатию разводить? Ну, не поговоришь ты с ней загодя, так она своё мнение всё равно скажет. Здесь главное не хезать, как на фронте говорили!..

Павел знал за собой слабость: в самые ответственные моменты его могло охватить оцепенение. Он продолжал двигаться, всё слышал и всё понимал, но ощущение было такое, будто это происходит не с ним. В голове тонко звенело, руки и ноги становились, как деревянные. Чтобы сказать в такой момент слово, требовалось большое усилие.

Что-то вроде того он почувствовал и сейчас. Они шли по тёмной улице, Коровкин о чём-то толковал, а Павел всё не мог справиться с собой, прорвать этот глухой кокон с прозрачными стенками, в котором вдруг очутился.

– Здесь, – сказал он непослушными губами и остановился. Коровкин приблизил к нему лицо.

– Эге, как тебя проняло!.. Брось, парень, не ты первый женишься, не ты последний. Дыши ровней!.. Этот дом, говоришь? Собак небось целый двор. – И он принялся колотить в высокие ворота с двускатным козырьком вверху. – Всё будет нормально, не хезай. Гарантирую!

Стучать пришлось долго. Уже лаяли собаки не только во дворе, но и все окрестные, когда отворилась дверь и женский голос крикнул:

– Кто там ещё?

– Покупатели, хозяйка! Прогони собак.

– Какие ещё покупатели?

– Увидишь!

Татьянина мать прикрикнула на псов, те замолчали. Коровкин и Павел ступили во двор и через минуту уже были в жарко натопленном пятистенке. За столом под розовым абажуром с кистями сидел Татьянин отец и набивал тускло светящиеся латунные гильзы. На вошедших он взглянул с любопытством.

– Добрый вам вечер, хозяйева! – разбитным голосом заговорил Коровкин, проходя к столу и доставая из кармана пальто бутылку «Московской» с залитым сургучом горлышком. – У вас товар, как говорится, а у нас соответственно купец-молодец!.. Вы уж извините, что заявились не предупредивши. Но уж больно издалека ехали, из самого Сургут-города!..

Татьянин отец хмыкнул, повел головой. Не отрываясь от

своего занятия, сказал:

– Ты, что ли, Пашка, купец? – Ни раздеваться, ни садиться он не приглашал.

– Кому Пашка, а кому Павел Трифионович, передовой плотогон и уважаемый член коллектива, – встрял Коровкин. – Вот вы, к примеру, сколько зарабатываете? А он за сплавсезон на избу себе собрал, и ещё на хороший мотор осталось! Теперь, говорит, могу с полным правом в родную деревню вернуться и семейной жизнью зажить!..

Татьянин отец опять хмыкнул и сказал в сторону перегородки:

– Товар, пойдя сюда. За тобой пришли.

Долго никто не появлялся. Татьянин отец уже раза два поворачивал к гостям лицо и, по-прежнему не предлагая садиться, иронично кивал на перегородку: такая, дескать, у меня послушная дочь. Наконец показалась надменно выпрямленная фигура в байковом халате.

За время, которое Павел не видел Татьяну, она заметно изменилась. Сделалась статной, по-женски округлой и ещё красивее. Павел с трудом сглотнул и опять почувствовал, как его охватывает оцепенение. Татьяна гневно смотрела на них с Коровкиным.

– Где только у людей гордость!.. Павел, я сказала, замуж за тебя не пойду, хоть ты все деньги Советского Союза зарабатывай!.. – Она кинулась к столу, схватила бутылку «Московской» и стала совать Павлу в руки. – Иди и не приходи сюда

больше! Заруби себе на носу!..

Павел по-дурацки стоял посреди комнаты с бутылкой в руках. Наконец сумел выдавить:

– Пошли.

– Хозяин, как же так! – поспешно заговорил лоцман, склонив голову к плечу и разводя руками. Он изображал недоумение, хотя и в самом деле не был готов к такому повороту. – Ты отец, твое слово последнее. Дочка стесняется, понять можно, сразу бросаться на шею ей не положено. Так ты объясни, что такие женихи на земле не валяются. Серьёзный, зарабатывает хорошо, собою симпатичный!.. Опять же она не девушка, чтобы особо кочевряжиться. С приданным, можно сказать, берём, с дитем...

Татьянин отец поднялся из-за стола.

– Чего?.. – Последние слова Коровкина ему очень не понравились. – Верно Пашка говорит, иди, пока я не проводил. У нас таких женихов, как грязи!..

За воротами их поджидал Гришка Алябьев.

– Когда свадьба? – кинулся он навстречу и азартно толкнул Павла в плечо. – Я прихожу в клуб, а мне говорят, ушли. Ну, я сразу смекнул, куда!..

Рассмотрев, что вид у Павла потерянный, а в руках нелепо застыла бутылка, он всё понял.

– Давай окна побьём! Гордые очень, на хромой козе не подъедешь! Передовые охотники, маяки коммунизма, мать их!..

– Полагалось бы, – согласился Коровкин.
Павел молчал.

– Мужики, поморозимся...

– Лежать!

– Вы чего, в натуре? Николай Трифонович мне дядя!..

– Лежать, сказано!

Олег повернул залепленное снегом лицо к Илье.

– Вот садюги! За киллеров, что ли, принимают?.. Ты как?

– Нормально. – Илья хотел было потрогать разбитую скулу, но один из стоявших над ними мужиков с короткоствольным «узи» опять рявкнул:

– Руки!..

Илье досталось. Наверно, из-за пистолета, который эти суровые мужики нашли у него. Выскочив неизвестно откуда на черных «ямахах», они перехватили снегоход с Олегом и Ильей ещё метров за триста до Сиротского Приюта. Заставили сойти, обыскали, отобрали документы...

Теперь лежи мордой в снег, жди, когда разберутся.

Хорошо же дядюшка встречает родственника!..

У монументального частокола Сиротского Приюта на угле загудел мотор. Через несколько минут Олега и Илью уже рассматривал моложавый человек с цепкими глазами. «Начальник службы безопасности», – решил Олег. Дело, судя по всему, было поставлено здесь чётко.

– Ты – сюда, ты – на мою «ямаху», – распорядился моло-

жавый. – Предупреждаю, вести себя спокойно.

Олег нервно засмеялся.

– Нет, мы сейчас брейк начнём танцевать!.. У меня дело к Николаю Трифоновичу, я его племянник. Ответите!

– Какой Николай Трифонович? Почему вы решили, что он здесь? – удивленно вскинул брови главный эсбэшник.

Олег решил его уесть. Лежать на снегу было мало того что унизительно, так ещё и холодно.

– Проккололась твоя служба! Утечка информации!.. Так Николаю Трифоновичу и доложу.

Он ничем не рисковал. Дядя, Олег чувствовал, здесь – значит, ничего им не сделают.

О Сиротском Приюте в Рябинках ходили самые фантастические слухи. Ещё в советское время областное начальство на одной из кедровых грив неподалёку от села построило что-то вроде элитного пансионата. Здесь шла своя жизнь, о которой можно было только догадываться, – даже обслугу сюда завозили из города на вертолётах.

В перестроечные годы жизнь в Сиротском Приюте на какое-то время замерла. Поговаривали, что его хотят отдать под пионерский лагерь. Даже статья в районной газете была: «Зажравшихся партократов – поганой метлой!» Однако надежды не оправдались. Вскоре вместо солидных обкомовцев с брюшками здесь обосновался другой народ – молодой, быстроглазый, с голодными какими-то лицами. Охота на медведя и стерляжья рыбалка теперь устраивались для

них.

– Слезай. Вперед!

Олег огрызнулся:

– Ты меня ещё автоматом ударь!..

С подчёркнутой неторопливостью он слез со снегохода, огляделся. За высоким частоколом из ошкуренных сосен находилось несколько основательных, нарочито неброского вида строений, тоже бревенчатых. Обширный двор был тщательно расчищен от снега. Вверху на частоколе виднелись камеры слежения. Если бы не они, можно было бы подумать, что попали на богатую заимку, какой её показывают в кино о дореволюционной России.

– Двигай.

– В советах не нуждаюсь.

– Давай, давай!..

Олега завели в ближнее помещение. Куда исчез Илья, он не заметил. Эсбэшник начал полистать отобранный паспорт, несколько раз остро взглянул на Олега, потом на фотографию, сличая.

– Какой у вас вопрос к Николаю Трифоновичу? – переходя на официальный тон, спросил он.

– Это семейное дело.

Эсбэшник помолчал.

– Николай Трифонович очень занят. Прошу конкретнее.

– Ты, служивый, доложи обо мне, – глумливо растягивая слова, заговорил Олег. – А уж дальше не твоя проблема, до-

рогой!..

Эсбэшник смерил его взглядом, но ничего не сказал. Легко поднялся и вышел. Олег тоже встал со стула и прошёлся по тесному помещению.

«Типа караулки», – подумал он, осматривая небогатую мебель. Почти в таком же помещении он провёл не одни сутки, когда служил на Дальнем Востоке. Разве что вместо караульного топчана здесь был диван.

Олег вдруг засомневался. А есть ли у дяди Коли деньги на самом деле? Может, всё это только разговоры – насчёт долларового миллионера?.. Люди завидуют, потому и говорят. В чужих руках х...р всегда толще. В туалет, что ли, пойти? Уж он-то рейтинг точно покажет. Не в здешний, конечно, а когда в апартаменты допустят.

– Сел на место! – неизвестно откуда раздался голос.

Олег отыскал глазами камеру под потолком и показал средний палец. Фак ю! Наблюдают, гады!..

Ждать пришлось порядком. Олегу надоело ходить, он снял дубленку, выкурил пару сигарет. Эсбэшный начальник будто сгинул. Олег толкнул дверь. Заперли!.. Как в тюрьме. Ну, дядюшка!..

Николай Трифионович всегда вызывал у него двойственное чувство – восхищение и зависть. Отец рассказывал, пацаном дядя умудрился сбежать из-под надзора комендатуры, где прятался от органов и чем жил – не известно. Появился в Рябинках после амнистии пятьдесят третьего. Первым

в их деревне стал работать у нефтяников, когда открыли Самотлор. Даже орден за это получил. В школьном музее одно время был уголок, посвященный буровой бригаде дяди. Потом дядю Николая за какие-то грехи посадили – то ли был виноват в несчастном случае на работе, то ли ещё что, Олег толком не знал. Может, и побег припомнили.

Лет пять Олег дядю не видел, но меньше завидовать не стал. Достаточно было посмотреть, как шестерили перед ним самые крутые деревенские ребята, когда после зоны дядя какое-то время ещё жил в Рябинках. Потом перебрался в город, стал одним из первых кооператоров. И чем лучше у него шли дела, тем реже Николай Трифонович появлялся в деревне. Последние несколько лет Олег его вообще не видел. Что за это время произошло – бог знает...

– Николай Трифонович готов вас принять. У вас десять минут, – сказал, наконец-то появившись, эсбэшник.

Олег хотел было послать его – десять минут! – но не стал. Клерк, что от него зависит...

Дядя Коля лежал в бассейне. Над мелко пузырящейся водой возвышалась одна голова. Небольшой бассейн был выложен каким-то дорогим камнем, вода от этого казалась бирюзовой, нереально красивой. Олег узнал дядю не сразу – в таком виде он никогда Николая Трифоновича не видел.

– Проходи, садись. – Дядя медленно кивнул на кресло у бортика бассейна. – Прописали, понимаешь, нарзанные ванны. Надо бы в Кисловодск, но времени нет. На месте прихо-

дится.

– Нарзан специально привозят? – почтительно удивился Олег. Он не знал, как обращаться к дяде. На «ты», как делал раньше, или всё-таки на «вы». – Из самого Кисловодска?..

Николай Трифонович ответил не сразу. Он заворочался в бассейне, провел рукой по телу, густо покрытому мелкими серебристыми пузырьками.

– Ну. Какой, правда, толк, не знаю. Тысячи километров, чего довозят – неизвестно. Деньги – ладно, лишь бы на пользу. – Дядя говорил неторопливо, с паузами, как говорят люди, каждое слово которых ловят. – Вот снял на пару недель пансионат. Всю мелкоту выставил. Дома, говорят, стены помогают. Понравится – куплю. Не так далеко от города – и никто не мешает... Как там в Рябинках?

– Вроде нормально.

– Думаю на днях побывать. Пару компьютеров подарю школе, пусть пацаны учатся... Валера, угости гостя, – всё так же неторопливо, ровным голосом велел он парню в костюме с галстуком, неотступно находящемуся поблизости. И засмеялся: – Замёрз, наверно, на «Буране»-то? А потом ещё в снегу?.. Извини, без этого нельзя. Мои ребята службу знают туго.

Парень с бугрящимися под пиджаком мышцами распахнул вделанный в стенку и сразу ярко осветившийся зеркальный бар. Вскоре Олег держал в руке массивного хрустального стакан со спиртным. Отхлебнул и сказал, демонстрируя

осведомленность:

– Текила?

– Хрен знает. Я не пью. Что у тебя ко мне?

Вопрос прозвучал неожиданно, хотя, в общем-то, следовало быть к нему готовым.

– В гости хотел пригласить, – соврал Олег. Сразу просить денег не поворачивался язык. – Посмотрите, как живу. Я тоже бизнесом занимаюсь. Строительные материалы там, розничная торговля... Дело идёт, перспективы нормальные. Думаю бизнес расширять.

Николай Трифонович повернулся на живот, заплескался в бассейне, и Олегу показалось, что его крупное, с твёрдым подбородком лицо ухмыляется. Олега пронзило: «Всё знает! Илья раскололся – его наверняка допрашивали!..» Он неловко хохотнул.

– Ладно. Честно – так честно... У меня проблемы. Хочу занять тысяч пятьсот. Не думайте, я верну, дядя Коля! Клянусь!..

– Вернёшь, куда ты денешься. – Николай Трифонович продолжал плескаться, походя на могучего, с литым лоснящимся телом сивуча. – Если, конечно, дам. Ты знаешь, что такое деньги? Большие деньги?

– Знаю.

– Ни хрена ты не знаешь! – Лицо у дяди вмиг побагровело. – Вы, шантрапа мелкая, думаете, деньги так, со смехуечками делаются! Сами в руки прыгают! Из земли растут!..

А это видел? – Николай Трифонович сорвал с головы волосы (так Олегу в первое мгновение показалось) и отшвырнул в сторону. Бледный череп был в синих страшных шрамах. Между шрамами, налезая на рубцы, виднелись жалкие островки полуседой растительности.

Не обращая внимания на мягко упавший в воду парик, дядя быстро наклонил голову, подставил ладонь. В неё выпало что-то круглое, похожее на голубиное яйцо. Когда он посмотрел на Олега, тот отшатнулся. У дяди на месте правого глаза краснела дыра, сырое мясо.

– А это видел? Хорош?.. Хочешь меняться? Я тебе свои деньги, а ты мне здоровье? Зассал?.. – кричал Николай Трифонович. – Ещё повезло, живой до сих пор. Пятьсот тысяч!.. А четыре покушения? А стрихнин в минералке? А баба со спидом в постели? Пятьсот тысяч!..

Кто не знал, мог подумать, что это орут кошки. Визгливые, словно от боли, крики слышны были ещё на подходе к звероферме.

«Мучаются», – подумал Трифоныч. И опять остро удивился: что за сила такая, что лишает покоя, заставляет кричать, жаловаться, метаться в страдании по клетке? Жили лисы спокойно, ели корм, растили свой мех, а тут будто будильник какой в них сработал.

Звучит-то просто, инстинкт, но кто его во всё живое вложил? А главное, для чего, для какой такой цели из поколения в поколение орут и мечутся эти существа?.. «Чтобы в декабре их приплод получил колотушкой по башке», – хмуро усмехнулся Трифоныч. Он чувствовал враждебность к бессмысленному инстинкту чернобурок. У всего должна быть цель, а здесь её нет.

На двери вагончика, в котором переодевались перед работой звероводы, висел замок. «Тоже бардак, – отметил Бусыгин. – Идет гон, раньше в такое время женщины дневали и ночевали на работе. Сейчас никому ничего не надо. Какой будет выход щенков – до лампочки». Ещё не так давно лисьи шкурки возили в Омск на пушно-меховой холодильник. Трифоныч сам не раз сопровождал груз. Шкурок старались привезти побольше и сдать сортностью повыше. Зарплаты

шли нормальные, к праздникам – премии...

Где теперь те зарплаты? Где премии? Где пушно-меховой холодильник?.. Лисьи шкурки сейчас не продашь, нет покупателей. Как звероферму до сих пор не закрыли, уму непостижимо.

– Трифоныч, здорово! – Из пристройки, где находился дежурный электрик, выглянула круглолицая Марго. Заулыбалась, показывая щербатый рот.

– Здравствуй, – неохотно ответил Бусыгин. И подумал, что Марго единственная из звероводов, кто сейчас на работе. И то, наверно, с электриком кувыркалась – вон какая довольная.

А может, специально показала, чтобы он видел, она не на складе шарится, а здесь, в гостях. Трифоныч давно стал замечать, что в его отсутствие на складе кто-то бывает: подобрать ключ – не проблема. Как бы между делом обронил в присутствии женщин: застанет кого – ноги переломает. И так ползверофермы растащили.

На смотровой вышке кто-то находился. Через большое, в частых переплетах окно виднелся неясный силуэт. «Наталья, кто ещё? – решил Бусыгин. – Ответственная женщина. Если бы даже была не зоотехником, а простым звероводом, всё равно следила бы за гоном. Олечка придурок, не понимает – такую жену на руках носить надо».

У двери склада он внимательно огляделся. Нет, чужих следов вроде не видно. На всякий случай снял замок и за-

глянул за дверь. Приготовленный с утра мешок с куриными шейками был на месте. Свиньи их хорошо едят. Мешок тяжёлый, килограммов пятьдесят весит, но здесь Андрюха не помощник. Такие дела делаются в одиночку.

На кормокухне пахло подгнившей рыбой и отошедшими в тепле субпродуктами – всеми этими куриными шейками и лапами, коровьей требухой. Трифоныч вони не замечал, привык за годы работы. Он переобулся в резиновые, легко моющиеся сапоги, влез в заскорузлый, когда-то синий халат и включил мясорубку. Вилами принялся бросать рыбу и субпродукты в натужно взывающий механизм.

Отчего-то было беспокойно. Будто нужно было что-то срочное делать, а он всё тянет, откладывает. «Смотровая вышка, – подумал Трифоныч. – Наталья. Лучшего случая не будет».

Он с минуту ещё работал, потом решительно прислонил вилы к стенке и принялся обратно переодеваться в чистое.

Сейчас всё решится.

Митяевские лишенцы

– Пашк, а Пашк?.. Вставай. – Мальчик увидел над собой взлохмаченную бороду. Слабый белесый свет, пробивающийся через окно, делал дедушкино лицо чужим, неясным. – Шустрее, Мокей ждёт. Мошка, поди, уж совсем заела...

По дому бесшумно двигались какие-то люди, и Пашка со сна не сразу понял, что это мать и отец.

– Колька где? – все тем же быстрым полушёпотом спросил дедушка Петр.

– С улицы не вернулся, – сиплым спросонья голосом ответила мать.

– Выдеру, ей-бо, выдеру! Рано гулять начал. Я когда ещё говорил, сегодня жать пойдем!.. – Единственный среди домашних, дед был сейчас разговорчив и подвижен. Он бодро сновал по избе, доставал что-то из углов и укладывал в мешок. – Натрись. – Дедушка ткнул в Пашкины руки остро пахнущую дёгтем склянку. – Потом некогда будет... Ты сейчас пройди мимо комендатуры, глянь, чего у них. Мы здесь подождем...

Ударив в дверь плечом, Пашка вывалился во двор. После избы ночь показалась холодной. Запахнув длинную братову телогрейку, мальчик ступил за калитку. На востоке едва зеленело, деревенская улица, как ей и полагалось в такой час, была в оба конца пуста.

Быстро стряхивая остатки сна, Пашка осторожно двинулся к комендатуре – раньше, пацаны говорят, там жил купец Островерхов. На крыльце добротного дома никого не было видно, лишь в одном из окон слабо горела прикрученная керосиновая лампа.

– Спит Альчибаев! – сказал он через минуту, от холода стуча зубами. – У-у, знобко!..

– Жать начнем, дак согреешься. Рановато тебя в работу запрягать, да делать нечего. – Дедушка Пётр посмотрел на мать с отцом. – Ну, с богом!..

Опасливо оглядываясь на комендатуру, они спустились под берег, прошли к тому месту, где река упиралась в кедровую гриву. У широкого тёмного каюка сидел и попыхивал трубкой остяк Мокей.

– Курю, думаю, – сказал вместо приветствия Мокей. – Что у русских за жизнь? Плохая. Работай, работай, работай... Для того живете?

Дедушка с матерью забрались в каюк, взяли к себе Пашку. Отец и Мокей, поднатужась, сдвинули посудину с места и уже из воды запрыгнули на корму.

– Да как же без работы, – словоохотливо отозвался дедушка. Он по-прежнему находился в приподнятом настроении, с которым нынче проснулся. – Все на ней держится. Давно бы померли, кабы не работа. Вот не поленились, овёс посеяли, зимой с зерном будем. В колхозе дадут, не дадут – неизвестно, а нам и горя мало!.. С тобой, опять же, за лодку рассчитуюсь.

– Работа, работа... Я не работаю, а живой. Остяк рыбу поймал, утку подстрелил – хорошо. А ты своих в соху запряг, землю ковырял. Они разве хоры¹? Зачем родных не уважаешь?

– А чего ж делать, если лошадей нет? И в колхозе не по-

¹ Хор (хант.) – ездовой олень-бык.

просишь, сразу Альчибаеву доложат. Потому и приходится втихую, чтобы никто не знал. Ты-то тоже молчи.

Отец и мать налегали на весла, Мокей на корме то с одной, то с другой стороны подгрёбал ладным и лёгким, будто игрушечное, остяцким веслом. Он не хотел дедушке уступать.

– Работать надо мало-мало. Ты потому лишенец, что много работал. Когда жить, если работать?..

– Тише, по воде далеко слышать, – сказала мать, тяжело откидываясь назад при каждом гребке. Становился особенно заметным её выступающий живот.

Что такое «лишенец», Пашка толком не знал. Знал лишь, что это обидное слово, им в Рябинках дразнили некоторых ребят – их с братом Колькой тоже. Но дедушка с Мокеем ругаться почему-то не стал. Потому, наверно, что это слово каким-то образом было связано с Митяево – деревней, в которой они жили раньше. Пашка иногда пробовал представить себе это таинственное Митяево, но почти каждый раз получались Рябинки: россыпь приземистых изб, еловый лес во круг, Вах, вода в котором напоминает цветом чай...

В лучшем случае представлялись картинки из увиденной в клубе фильма «Богатая невеста». Вдоль чистой улицы стоят столбы с натянутыми верёвками, посерединке идут колхозницы в белых платочках и с граблями. Обгоняя их, проезжает трактор, а на нём улыбающийся замурзанный парень в майке, кепке и больших, как у лётчика, очках на лбу...

«Нет, у нас другое, – отвечал дедушка, когда Пашка при-

ставал к нему с расспросами. Лицо у него разглаживалось, веселело. – Село большое, с церковью, а на горе барская усадьба. Ты-то ничего этого помнить не можешь, тебя оттуда годовалым увезли. В праздники колокола на церкви звонят, и парни с гармошками по улицам ходят, песни кричат... Ладно было!»

После долгих Пашкиных уговоров дедушка начинал рассказывать, как они оказались в Рябинках. Начинал неохотно – чего, мол, Пашка в его годы может понять, – но потом рассказ брал его самого за живое. Дедушкин голос подрагивал.

В коллективизацию Бусыгиным и еще десяткам двум митяевских семей дали на сборы час, а затем под конвоем погнали на Тюмень, Тобольск и дальше на север. Красноармейцы в островерхих богатырках были злые, то и дело грозились устроить кулацкому отродью Варфоломеевскую ночь. Что это такое, никто не знал. Но по голосам красноармейцев было ясно: хорошего не жди. В Тобольске все сани в обозе перетрясли, отобрали иконы и деньги. Под Сургутом умерла бабушка и неженатый дядя Егор. Их не дали похоронить, пришлось обоих закопать в снег.

«Таких псов цепных я отродясь не видел, – сокрушался дедушка, забыв, что говорит с Пашкой. – Я им, чего, мол, сынки, яритесь? Мы природные крестьяне, работали, хозяйство наживали, только в том виноваты. А меня прикладом в спину, старого-то человека! Дескать, контрреволюционную пропаганду развожу...»

Дедушка рассказывал ещё о том, как пригнали в Рябинки. Первым домом была пещера, вырытая в речном обрыве. Никто переселенцев не ждал, здешние люди в свои избы не пускали. Хорошо, в комендатуре выдали по лопате и топору на семью – обустраивайтесь. На первых порах выручала конина. Мерин пал уже в Рябинках. Семижильный, от самого Митяева вёз пожитки и детей. Сейчас-то уже ничего, обжились, хотя постоянно под надзором комендатуры. То не положено, сё не положено... Чуть что – кулаки, лишены избирательных прав – лишены, то есть. Да хрен с ним, с этим избирательным правом, лишь в гроб не загоняйте!..

Почему дедушка, рассказывая, так тужил, Пашка понимал плохо. Все его беды и радости были связаны с Рябинками, а далёкое и таинственное Митяево – как сказка. Сейчас, пригревшись у дедушки на коленях, Пашка подрёмывал и видел колёсный трактор «Фордзон», весёлого отчаянного тракториста, похожего на кого-то из рябинковских парней, отёсанные ровные столбы с натянутыми между ними верёвками – «провода», говорят взрослые...

– Погоди-ка. – Дедушка осторожно приподнялся и посадил Пашку на свое место. Неверно ступая в шатком каюке, сделал шаг вперёд и тронул мать за плечо. – Пойди к Пашке. С тебя хватит.

Потревоженный мальчик опять почувствовал холодный простор, влажное дыхание реки, увидел всё яснее проступающие деревья на берегах и пустынные песчаные косы. Мать

взяла его на колени. Она тяжело дышала. Пашка чувствовал её выступающий живот. Он опять пригрелся и задремал, а проснулся оттого, что чей-то голос громко сказал: – Забирай к острову! Ещё, ещё!..

Было уже совсем светло, синело небо, по ближней отмели, покачивая узкими длинными хвостиками, бегали пестрые трясогузки.

– Вот ты скажи, в каждой деревне – свой обычай!.. – Радостный дедушка, поворачивая голову и поглядывая на приближающийся остров, мелко подгрёбал веслом. – Здешние хозяева не знают, что такое серп. Коса – это понятно, а серп в глаза не видали!.. Я как знал, взял из Митяева. Сейчас чем бы овёс убирали? По кочкам-то?..

Заражаясь дедушкиной радостью, Пашка с нетерпением поглядывал на остров, ступеньками сходящий к воде. Заросший тальником, он смахивал на огромный остяцкий облас, перевёрнутый вверх дном, – вытянутый в конце и начале, высокий и узкий. Как только каюк ткнулся в берег, Пашка прыгнул вниз. И тут же ушёл босыми ногами в ил.

– Торопыга! – покачал головой дедушка. – Что, тоже невтерпёж?.. Да ты у нас теперь богатый мужик – в сапогах!..

Пашка чуть было не заревел – ноги по колени стали чёрными от ила, – но передумал. Ему понравились дедушкины слова насчёт сапог. Не моя ног, он стал вместе со всеми пробираться вглубь острова. То и дело посматривал вниз, представляя себя в настоящих сапогах.

– Лишь бы медведь не потравил, они овёс любят... Не столько съест, сколько затопчет, – прерывающимся голосом говорил дедушка, раздвигая впереди кусты. – У мишки губа не дура, он понимает – овёс сытный, быстро жир на зиму нагулять можно...

Вышли туда, где тальника не было. На обширной поляне росла какая-то невысокая пожелтевшая трава с клонящимися книзу метёлками. «Овёс», – сообразил Пашка. Было странно, что эту траву можно есть.

– Слава богу. Никто не тронул! – Дедушка перекрестился. С трудом опустившись на колени, захватил одну из метёлок между ладонями, потёр. – Пospel. В самый раз!.. Трифон, вынимай серпы. Сразу и начнем, чего ждать... Трифон, ты чего?

Отец, не снимая с плеча мешок, смотрел в сторону тальника на другой стороне поляны. Оттуда вышли низкорослый крепыш в командирской фуражке и два красноармейца с винтовками.

– Альчибаев, мать твою!.. – потерянно выругался дедушка. – Теперь точно перезимуем... – И громко заговорил: – Тоже рыбалить, гражданин лейтенант? Это вы правильно, здесь самые что ни на есть стерляжьи пески. Мы семьей собрались рыбалить, но места всем хватит – и нам, и вам!..

На губах круглолицего, смугло румяного Альчибаева играла презрительная усмешка. Он видел, что дедушка испугался, неловко пробует хитрить, и в его презрении к этим

жалким людям чувствовалось даже что-то гадливое. Лейтенант двигался напрямик через овёс, с раздражением похлопывая по голенищу сапога прутиком.

– Кондратьев, несите бутыль, – чётким голосом распорядился он, не обращая внимания на дедушкины слова. И пока один из красноармейцев доставал что-то припрятанное в тальнике, зло бросил: – Работать не хотите? Думаете обмануть советскую власть? Не выйдет! Советская власть не таким хребты ломала!.. Кондратьев, начинайте.

Расторопный красноармеец, передав винтовку товарищу, принялся поливать овёс бледно-жёлтой жидкостью из бутылки.

– Керосин! – ахнула мать. – Да что же это?..

Дедушка засуетился, замахал руками:

– Гражданин Альчибаев, погодите! Дорогой Эркияш Майманович! Ведь труд, зачем губить?! На себе землю под овёс пахали, как скоты. Дайте хоть малость собрать, с куском на зиму остаться!..

– Не верите в колхозный строй? Голодом колхоз вас морит? Вредительством занимаетесь, пропаганду разводите?! – зло, все больше наливаясь презрением, чеканил лейтенант. – Нет вам пощады! В пособники к фашистам и японским милитаристам записались! Ответите перед советским судом!..

– Убрать дайте!..

Молчавший все это время отец вдруг бросился к красноармейцу и стал вырывать из его рук бутыль. Альчибаев вы-

хватил наган.

– Назад, кулачье!.. Кондратьев, поджигайте!

Пашка на всю жизнь запомнит эту картину.

Быстро расползающийся по полю красный, густо дымящийся огонь.

Красноармейцы заломили отцу руки за спину, он согнулся и смотрит исподлобья бессильным, яростным взглядом.

В голос плачет мать, трясётся её большой живот.

Дедушка Петр молча стоит. Его лицо застыло. Ветерок шевелит растрепанную бороду...

Пашке тоже вслед за матерью хочется заплакать, но весело бегущий по полю огонь кажется ему живым, нестрашным, он притягивает Пашкин взгляд. Мальчик несмело выглядывает из-за матери, и в глазах у него – любопытство.

Наталья заметила, что на тетрадный лист с записями упало несколько капель. Она вытерла их ладонью, но слёзы все капали и капали. Бумага в этом месте становилась выпуклой, рыхлой. Наталья смотрела через стекло вниз, на нумерованные клетки производителей, к которым посадили новую партию самочек, на азартный коитус, а перед глазами стояло глуповатое лицо Нефёдовой.

Господи, за что ей всё это?..

Нефёдову она встретила по дороге на звероферму. Было такое впечатление, что бабка шатается по деревне от нечего делать. «Ну ты представь, нигде никого! – сокрушенно пожаловалась она. – Ни в клубе, ни на почте. И куда весь народ подевался?!» Наталья хотела было ответить в том смысле, что народ в отличие от неё делом занят, но не стала. Убогий по-своему человек. Всю жизнь чужим умом живёт.

Баба Валя, довольная, что хоть кого-то встретила, принялась рассказывать, как была недавно в городе и как на рынке увидела её свекровь. Обувью торгует. А про мужа совсем забыла, пусть, мол, сам с хозяйством управляется. «Она у вас вообще непутёвая. – Нефёдова доверительно приблизила лицо и заговорила вполголоса, хотя вокруг никого не было. – Сколько раз замуж выходила, я и со счета сбилась. Твой Олежка в неё. Чего, скажи, при живой жене со всяким бляд-

вом связываться?.. Ты не знала, что ли? Люди видели, как Олежка от Марго выходил. На ней же пробы негде ставить!..»

У Натальи хватило сил спокойно спросить: «Зачем вы это мне рассказываете?» И только на смотровой вышке она дала себе волю. То, что Олег от неё гуляет, она догадывалась. Если бы даже от мужа после поездок в город не пахло духами, есть множество мелочей, которые выдают мужчину. Но чтобы с Марго... Ничего более унижительного придумать было нельзя.

А как он сначала ей понравился! После второго курса Наталья приехала домой на каникулы, и как раз в это время в колхозе солдаты заготавливали сено. «Золотая! – окликнул её один из них вечером на пруду. – Ты где пряталась, золотая? Что-то я тебя раньше не видел». Наталья смутилась. Её всё больше звали рыжей, и вдруг так красиво: золотая... Почему-то застеснявшись своего бикини, она осторожно посмотрела на парня. Стройный, с чётко прочерченным прессом, он единственный из пришедших после работы купаться солдат был не в длинных сатиновых трусах, а в элегантных плавках.

Освещённый заходящим солнцем парень спросил:»А ты везде золотая? Покажешь?..» – «Дурак», – только и сказала Наташа. Но какая девушка в глубине души не ждёт от парня того, о чём может разве что подумать?.. В их союзе Олег всегда был ведущим. Он восполнял то, чего не хватало ей – уверенности в себе, смелости, предприимчивости. Но когда

предприимчивость переходит в авантюризм, а уверенность – в наглость и позор для близкого человека...

Наталья закрыла глаза. Слезы сами собой покатались по щекам, щедро закапали на тетрадь с пометками количества коитусов. Нет, так жить больше нельзя! Позорить себя она не даст.

Наталья не сразу сообразила, что на вышку кто-то поднялся.

– Не хочет работать. – Тесть подошёл к просторному окну, возле которого она сидела, стал смотреть вниз, на выстроившиеся в ряд клетки с производителями. – Устарел двадцать седьмой. Лежит. Лисичка перед ним и так, и этак... Под колотушку скоро пойдёт. Получается, гон для лисовина, как экзамен. Хорошо отработал – живи! Нет – под колотушку!..

Тесть со своим философствованием был сейчас совсем ни к чему, но делать нечего. Наталья постаралась незаметно вытереть глаза и ниже склонилась над тетрадь. Тесть вёл свое:

– Вот такая она, жизнь. Может, этот двадцать седьмой только и стал что-то понимать, а всё, давай под колотушку! Устарел, для дела негодный. Нечего корм переводить, молодые лисовины на подходе. Они-то работать будут, силы у них много!..

В голосе свёкра было что-то неискреннее, и Наталья подумала: чего он на самом деле пришёл?.. Вспомнился недавний разговор, когда тесть предлагал выходить за него замуж, но прежней обиды она не почувствовала. Какой всё-таки Олег

скотина!..

– Вот те на! Ты чего это?.. Кто обидел-то?

Наталья уронила на руки голову и, уже не таясь, в голос зарыдала. Трифоныч остановился рядом.

– Ну ладно тебе, Наташа. Чего переживать, – неуверенно забормотал он. – Чего случилось? Брось, всё будет нормально...

Ещё сильнее заплакав, она ткнулась лицом в его рукав, будто ребёнок, наконец-то нашедший понимание и защиту. Трифоныч принялся гладить её по голове, по плечам. Подняв на ноги, прижал к себе, обнял и стал шептать, что она хорошая женщина, таких сейчас мало. Её надо ценить и любить, что дети от неё должны быть хорошие, в мать, и муж должен быть хороший, а не баламут Олежка, который хрен знает, о чём думает, а только не о семье и не о жене...

Наталья почувствовала твёрдые мозолистые ладони, которые пробирались всё глубже под её одежду. Но вырваться или оттолкнуть тестя у неё не было ни сил, ни желания.

Илья от водки теперь не отказывался. Одну за другой опрокидывал в рот стопки и почти не закусывал. Забеспокоился даже Кашпировский:

– Ваше благородие, извольте ветчинки с огурчиком! Иначе отключитесь раньше срока и не увидите мои феноменальные способности.

Илья сосредоточенно смотрел перед собой, время от времени касался пластыря на рассеченной брови и молчал. Под глазом у него наливался багровый кровоподтек.

У Олега настроение было не лучше, но он сказал:

– Ладно тебе! Меня родной дядя послал, и то я ничего.

– Скоты зажавшиеся, – бормотал охранник и смотрел в пространство немигающими глазами. – За людей не считают.

– Да брось ты!.. Слушай, Кашпирян, мы ему сейчас женщину организуем. Марго, наша рябинковская смоковница. Профессионалка!

Кашпировский закивал:

– Хорошо дурную кровь оттягивает. Неоднократно и все-сторонне проверено. Самые лестные отзывы.

Полуголые, они уже второй час сидели в жарком предбаннике. Небольшой столик был плотно заставлен закуской и бутылками. В углу надрывался магнитофон. Повязанный по бёдрам полотенцем Кашпировский иногда выскакивал за

дверь и, напуская клубящегося по низу морозного воздуха, приносил охлаждавшееся в снегу пиво. Он же хлестал Олега и Илью веником, когда те забирались в парилке на полок.

Олег несколько раз пробовал охранника уговорить покаяться после парилки в снегу, но тот хмуро отмалчивался.

– Ну, ты, ей-богу! Будто тебя никогда не били!.. Ты где раньше работал?

– В школе. Физруком.

– И что, не попадал в переделки? Х...рня, не поверю!.. Каждый мужик бьет и его бьют. Закон жизни!.. – Поняв, что Илью не расшевелить, приказал: – Кашпирян, давай побыстрому за Марго. Товарищу нужна срочная сексуальная помощь.

Багровому от тепла и водки Кашпировскому совсем не хотелось отлучаться от обильного стола и идти куда-то в темноту, на мороз.

– Может, не будем форсировать события?

– Давай-давай! – по-хозяйски прикрикнул Олег. Глядя на него, уже трудно было поверить, что и он недавно перенёс унижение. Олег выглядел вполне благополучным, уверенным в себе человеком.

– Как скажешь, гражданин начальник. Я – мухой!

– То-то.

Едва за Кашпировским захлопнулась дверь предбанника, как Илья принялся молча натягивать брюки. Олег удивлённо уставился на него.

– Не понял! Ты куда?

– Одевайся. Пойдем к вашему главе администрации.

– Зачем?

– Поговорим.

– Ты чего, охренел? Поддатые, с фингалом под глазом?!.

Илья был непреклонен. Его зрачки сумрачно горели.

– Почему он тебе помочь не хочет? Ты как рыба об лёд...

Скоты! Все они скоты!..

Олег несколько секунд молча смотрел на него. Вот так поворот!.. Такого сочувствия от охранника он никак не ожидал. Лишь бы глупостей по-пьяни тот не наделал.

– Дай пистолет.

– Я как стёклышко! Не веришь?..

– Верю. Дай пистолет. А то не пойду.

Через несколько минут они уже мчались на «Буране» по тёмным улицам села. Впереди метался жёлтый свет фары. У одного из домов за снегоходом увязалась собака и цапнула Илью за ногу. Он этого почти не заметил.

Сидя у Олега за спиной, кричал на ухо, какие это сволочи, начальство и богатые люди. У них в банке тоже. Вроде все вежливые, на «вы», а охрану на самом деле презирают. Не хотят понять, что у него удар правой сто пять кэгэ, он школу телохранителей закончил. Любому может обломать рога!..

Остановились у большого, с мансардой дома, обшитого светлым пластиком. Олег с любопытством поглядывал на Илью. Интересно, что из всего этого выйдет?.. Дом Валенти-

на Степановича напоминал богатую дачу где-нибудь в пригороде. Даже электрзвонок у входа был. Олег нажал на кнопку.

Появилась приземистая, очень полная женщина в брюках и с сигаретой во рту. Прикрывая грудь концами шали, без церемоний спросила:

– Чего надо?

– Мне-то ничего, – сказал Олег, отступая за спину Ильи. – У товарища какой-то вопрос.

Сорокина оценивающе смерила Илью взглядом.

– Это тот, что тебя сегодня привёз?.. Олежка, ты чего перед Валентином Степановичем в городе выступал? Крутой очень? У тебя проблем мало?.. – Она опять перевела взгляд на Илью. – Чего надо, конвоир?

Илья обиделся.

– Я не конвоир, а представитель банка. Хочу поговорить с вашим мужем.

Женщина затянулась, выдохнула сигаретный дым.

– Говори со мной. И быстрее давай. Не лето, холодно стоять.

– Мне ваш муж нужен, – упрямо повторил Илья.

Олег сзади шепнул:

– Настоящий глава администрации – она...

– Фу, да вы пьяные! – Женщина отстранилась, негодуяше тряхнула короткими, пышно завитыми волосами.

Илья взорвался:

– Вы почему зажимаете частного предпринимателя?.. Окопались на тёплых местах, сволочи!

Сорокина изумлённо посмотрела на него. Она даже рот приоткрыла и забыла про сигарету.

– Чего уставилась, свиноматка? Правды не слышала? Никто не говорил? Все боятся?... Была бы ты мужиком, я бы тебе быстро всё растолковал!

– Подожди, я сейчас, – сказала Сорокина и, резво развернувшись громоздким телом, заспешила в дом.

Дело было дрянь. Здесь таких слов не прощали, Олег на собственном опыте знал. Он потянул Илью за куртку.

– Рвем когти! Она пошла звонить участковому.

Илья уперся.

– Никуда я не пойду. Мне нечего бояться. Это вы здесь все обосрались.

– Как знаешь. – Олег оседлал «Буран», дёрнул тросик стартера.

Взрослый человек, в случае чего сам виноват будет. Никто не заставлял.

Ну вот, он теперь практически свободный! Само получилось. Еще и с «макаровым» в кармане! Куда-нибудь далеко уехать или лечь на дно сейчас не проблема.

В доме горел свет, значит, Наташка уже вернулась с работы. Но заходить Олег не стал, сразу направился к бане.

В предбаннике Кашпировский подливал Марго. Та сипло смеялась и толкала его плечом. Марго была в выцветшем ку-

пальнике, но в валенках. Видно, мёрзли ноги – по низу ощущимо тянуло.

– Прикрывай лавочку! Разбегаемся!.. – Олег, как был в дублёнке и унтах, прошёл к столу, выпил водки. Он даже шапку снимать не стал.

Марго с пьяным изумлением захлопала глазами.

– Чего тогда звали?.. Я всё бросила, пришла – и пожалуйте, выгоняют!

Кашпировский тоже смотрел недоуменно, хотя ничего не говорил.

– Сейчас участковый придёт, в подельники определит. Илюха, придурок, решил отношения с властью выяснять! Хорошо ещё, я пистолет забрал... Чего ждёте? Оделись – и по домам!

Марго вдруг ударила по столу ладонью.

– А вот никуда не пойду, и всё! Я что вам, малолетка – то приходи, то уходи. – Марго или здесь уже так развезло, или она пришла навеселе. С пьяной настойчивостью она принялась грозить пальцем. – И вообще, Олежка, ты мне должен! Я тебе никогда не прощу! Никогда!..

Олег слегка даже опешил.

– Чего это я тебе должен?

– Чего... А кто меня на буксир продал? Забыл уже?.. Я по-о-мню! Четыре мужика, а я одна. Забыл?..

– Не гони пургу! Две недели проблем не знала, они тебя поили и кормили.

– Мне обидно! Я, может, человек! Женщина!..

Олег засмеялся. Ну, дает. Женское достоинство прорезалось!.. Года два назад он в самом деле отвёл Марго на приставший к Рябинкам буксир – «продал», как говорили в таких случаях. Мужики расплатились ящиком водки. Была середина навигации, они два месяца жён не видели. Если б Марго не хотела, так не пошла бы. Или в Вах прыгнула – плавать-то умеет. Целочка нашлась...

– Ты мне посмеёшься! Я такое знаю!..

– Потом расскажешь. Одевайся по-быстрому. – Олег стал бросать Марго одежду.

– Не-е-т, я сейчас скажу. Ты у меня смеяться перестанешь!.. Жалко Наташку подставлять, но ты сам виноват, козёл!.. – Марго опять принялась грозить пальцем. – Довёл женщину. С тестем трахается. Сама видела!..

Олег остановился, прекратил бросать одежду.

– Думай, что говоришь. Это ты профура, а она семейная женщина.

– Профура?! – взвилась Марго. – Я с родственниками не трахаюсь! Твоя Наташка профура!..

Не отвечая, Олег засунул руку в карман и вытащил «макарова». Марго споткнулась на полуслове и умолкла. Олег снял пистолет с предохранителя. Кашпировский, который всё это время быстро наливал в стопку водку и пил, крякнул и солидным голосом произнес:

– Олег Павлович, прошу вас, без эксцессов.

Олег секунду помедлил и, развернувшись, толкнул дверь на улицу.

Собака завизжала с таким отчаянием и болью, что Трифоныч невольно подался к окну. По дороге в прозрачных ещё сумерках убегала мосластая тощая сука. Она испуганно оглядывалась назад, под животом болтались вытянутые пустые сосцы. Похоже, хотела чем-то поживиться в соседском дворе, а её сильно ударили.

Вид у суки был такой затравленный и жалкий, что Бусыгин несколько секунд стоял неподвижно. Щенки тянут, жрать хочется нестерпимо, а отовсюду гонят и бьют... Тоска стиснула сердце. «Голод и страх, – подумал он. – Ничего другого в жизни, только голод и страх. У человека тоже. Для чего жизнь? Зачем?..»

Андрюха куда-то ушёл, и это тоже было сейчас некстати. Всё-таки живой человек, словом можно перекинуться. Не очень весело он жил с Татьяной, а всё равно рядом кто-то был. Татьяна... Жизнь потратил, чтобы у них стало по-людски. Ничего не вышло. Может, потому один Олежка и получился. Да и тот...

Поздно.

Поздно он спохватился.

Трифоныч отложил в сторону сеть (скоро вскрыется Вах, надо быть готовым), влез в телогрейку и вышел во двор. Догорал чистый холодный закат, с каждым вечером уходящий

всё дальше к западу. Виднее стало пламя над газоперерабатывающим заводом далеко за рекой и лесом. Оба кобеля не могли никак успокоиться, все метались вдоль глухого забора, злобно лая вслед убежавшей собаке.

– Цыц! – прикрикнул Трифоныч. Тоже, как люди. Одна судьба, а готовы друг друга загрызть.

Стайка пахнула запашистым теплом, коровьим дыханием. Бусыгин безошибочно опустил руку на выключатель у входа, зажёг свет. Потревоженно хрюкнула свинья с поросятами. Дробно застучали острыми копытцами овцы по доскам настила. Червонка встретила доверчивым жалующимся взглядом. Всего несколько часов прошло, как Трифоныч видел ее, а казалось, живот у коровы стал еще больше.

Яловая Комолая косила флуоресцирующим глазом. Но неприязни к ней, напрасно переводившей столько времени корм, Трифоныч не почувствовал. Как не чувствовал сейчас и особой любви к Червонке. Они обе дышали, дергали кожей, жевали жвачку – и это было главное. Живые. Пусть не люди. Хорошо, что не люди.

Он встал на лестницу, откинул крышку и поднялся на сеновал. Нашёл вилы и принялся бросать сено вниз. Надо на ночь задать коровам и быку. Работа была простая, бездумная, и мысли опять стали вертеться вокруг сегодняшнего случая на смотровой вышке... Чтобы не было так досадно и стыдно, Бусыгин представил Сургутский речвокзал, тускло освещённый зал ожидания и Татьяну с ребёнком на руках, её

неприкаянный вид. Хотя хорохорилась, то и дело выпрямляла спину и горделиво откидывала голову. Это у них семейное. Как же, мы – Земсковы, лучшие в районе соболятники, известные люди!..

О Татьяне он узнал от Коровкина, у которого жил на квартире. Стоял октябрь, вот-вот должна была закончиться навигация – со времени неудачного сватовства прошёл почти год. «Лежишь, значит! – Лоцман присел на его отгороженную занавеской кровать. Выражение лица было непонятное. Он был навеселе: последнее время Коровкин целыми днями пропадал в конторе» Сплавлеса», закрывал летние наряды, а вечером обязательно отмечался в буфете речвокзала. Он вдруг сильно хлопнул Павла по ноге. – Ещё не оприходовал мою Тamarку? Ты мне прямо говори, я отец, должен знать!.. Или не по душе?.. Ладно, дело твое. Беги на пристань, там твоя мадам. Полагаю, сбежала от мужа. Может, от родителей... Зря, вообще-то, суетишься! Хорошего не будет. Коровкин под людьми на три метра видит, просто так говорить не станет!..»

Ему бы прислушаться к тем словам, а он отбросил книжку, стал торопливо натягивать хромовые сапоги, схватил из шкафа пальто с барашковым воротником... Скользя в темноте по раскисшей глине, добежал до речвокзала. Зайти сразу не решился, пошёл по дебаркадеру вдоль окон, всматриваясь в запотевшие стёкла. Сердце бухало. Когда увидел Татьяну, оно споткнулось и замерло. Неизвестно, хватило бы у

него смелости открыть дверь и зайти. Помог случай. Татьяну стали тянуть к буфету подвыпившие грузчики. Она отпихивала руки, сверкала глазами, но чувствовалось – испугалась. Среди грузчиков было много недавних зеков. «Парни, вы чего? Это сеструха моя! – Павел сам не понял, как оказался рядом. По-хозяйски взял у Татьяны ребенка. – Чего телеграмму не отбила? Хорошо, люди сказали».

Она и в самом деле опять ушла от мужа. Вернулась в Рябинки, а там отец не принимает. Нашла коса на камень. Без денег, без тёплой одежды села на пароход... Он, Павел, нашёл ей квартиру, все деньги, заработанные за сплавсезон, потратил на неё и дочку. Татьяна его долго к себе не подпускала. Но и когда стали жить семьёй, холодок всё равно остался. Может, она из таких людей, которым никто не нужен, – одиночка по жизни. Бывали по ночам моменты, когда Татьяна, содрогаясь всем телом, плотно подавалась к нему, дышала со стоном. Но неизвестно, о ком в эти секунды думала. Да и думала ли? Инстинкт. А так – за всю жизнь ни разу не поцеловала. Ни тогда, когда жили в Сургуте, ни позже, когда он перевёз семью в родительский дом в Рябинках.

Трифоныч взял рукой клочок сена, помял, поднёс к лицу. Нет, уже не пахнет. Выдули запах ветры, выжгли морозы. А как хорошо и сладко пахло разнотравье в августе!.. Так и его жизнь. Ещё немного – и останется одна труха непонятного цвета и запаха.

На дворе стемнело. Озаряя горизонт прыгающим светом,

горел факел над газоперерабатывающим заводом. Звёзды над головой, однако, тоже хорошо были видны. «Ночью подморозит», – отметил Бусыгин. Надо было жить дальше. Варить суп, принести мешок с куриными шеями и лапками – свинье, её поросята сосут. Утром, как и задумано, он уберёт Комолую. Хозяйство запускать нельзя, как бы паскудно на душе не было.

Он растопил печь, поставил на плиту кастрюлю с двумя ножками Буша, набрал в подполе картошки. Нужно было посмотреть тулку. Так и есть, Андрюха после охоты не почистил. Трифоныч разложил на столе газету, достал шомпол, масло и, пока закипали ножки Буша, сделал всё, что полагается.

Порядок. Чтобы всё было наготове, вставил в стволы патроны с пулями. Второй – на всякий случай. Скотина не должна мучиться.

За этим занятием его и застал Олежка.

Трифоныч так и не понял, почему не залаяли кобели, – сын был нечастый гость в его доме. Олежка распахнул дверь и остановился на пороге, вызывающе засунув руки в карманы. Однако ожесточение, с которым он ступил в дом, тут же почти и исчезло – похоже, Олег не ожидал увидеть в руках у отца ружье.

– Чего такой грозный? – с лёгкой насмешкой, как обычно и говорил с сыном, спросил Бусыгин.

Замешательство Олега быстро прошло.

– Это я тебя хочу спросить! Почему меня позоришь? Что у тебя с Наташкой было?!

У Трифоныча екнуло внутри: вот уже и знают в деревне!.. Но вида он не подал, для чего-то взвёл курки.

– Чего молчишь? Было?..

«А всё-таки он меня боится, – подумал Бусыгин, посмотрев на сына. – Заводит себя, распяляет, а сам настороже...» И эта мысль вызвала не презрение, которое он чаще всего испытывал к сыну, а полузабытое снисходительно-тёплое чувство.

Тридцать лет мужику, а стержня, настоящей уверенности в себе нет. Всё с налета, всё нахрапом – тоже, наверно, несладко. Отчего так? Почему они между собой чужие? Другой породы, но сын...

– Кто тебе такое наплёл? – спросил он как можно спокойней и поставил тулку прикладом на стол.

– Нашлись люди!

– Не Марго ли? Я её недавно с комбикормом шуганул, вот она и распускает сплетни.

Если бы дело было только в нём, он говорил бы по-другому – унизительно врать и выкручиваться в его возрасте. Да ещё перед сыном. Но не хотелось подводить Наталью. Она-то в чём виновата.

– Ты мне пургу не гони! – на глазах наглед Олежка. Он выхватил руку из кармана, и Трифоныч увидел наставленный пистолет. – Короче, пятьсот тысяч за моральный ущерб!

Было, не было – разбираться не будем. Пятьсот тысяч – и забыли!..

Трифонычу кровь ударила в голову.

– На отца – с пистолетом?! – В ярости он ударил прикладом о столешницу. Громыкнуло так, что с полок посыпались тарелки. Задымилась над печкой занавеска, в которую угодили заряды. Из-за занавески с диким воплем выскочил кот. Трифоныч схватил тулку за стволы, замахнулся на Олега. – Пугать вздумал?! Отца?!.

Присев в коленках и выставив в вытянутых руках пистолет, Олежка пятился к порогу. Он, похоже, воображал себя сейчас то ли гангстером, то ли полицейским из американского боевика. Бусыгин запустил в него ружьем. Олежка увернулся, выскочил за дверь. В тамбуре застучали его шаги.

Тяжело дыша, Трифоныч опустился на табурет. Его кололо.

От обиды и гнева на сына, пустого человека.

Оттого, что сейчас только начинать бы по-настоящему жить, а уже другое время, не его.

Оттого, что в этом новом времени главное не то, что он привык считать важным, а мелкое и ничтожное, над чем можно было бы и посмеяться, если бы всё не так неотвратимо и горько.

И вот он сидит за столом, ест суп с курятиной и без интереса смотрит на телевизор под потолком. Там клип, беснуются негры, орут что-то дикое и непонятное.

Перед ним початая бутылка. Сегодня нужно, за день много чего произошло. Достали.

Чтобы не вспоминать, думает о неграх. На его памяти они были угнетаемым американскими империалистами народом, потом поющим по-русски и потому симпатичным Полем Робсоном, ещё позже – олимпийскими чемпионами, по-животному быстрыми и выносливыми. Теперь уже и не негры, а афроамериканцы. Похотливые, наглые, почти все больные спидом. Какими станут для внука Генки и других людей, подпирающих Трифоныча, выталкивающих из жизни, – неизвестно.

На кухне жарко. От тёплого воздуха вверху над печкой шевелится простреленная занавеска. Но уходить отсюда не хочется. Трифоныч снимает рубашку и остаётся в футболке с надписью BOSS на груди.

– Не по-нашему написано, – слышит он голос. Ищет глазами и видит в углу дедушку Петра.

Дедушка в глухо застёгнутой белой рубаше, в дешёвых хлопчатых брюках, подпоясанных сыромятным ремешком – такой, каким его запомнил в гробу малолетний Пашка. Ред-

кая дедушкина борода тщательно расчёсана. Причесаны и волосы, прикрывающие восковую лысину.

– Здесь? – спрашивает Трифоныч и показывает себе на грудь. Он совсем не удивляется тому, что видит давно умершего деда. – По-американски написано. По-ихнему это значит, что я большой начальник... – Трифоныч усмехается.

– Хорошо, что нас не боишься, – спокойно произносит дедушка Петр. – Трифон, пойдй сюда.

Вслед за дедом появляется отец. Вид у него запущенный. Отец зарос щетиной, красноармейская форма без петличек кое-как заштопана, над ботинками с отставшей подошвой грязные обмотки. Но даже такой он сейчас намного моложе него, Трифоныча.

– Выходит, советских победил не немец, а американцы, раз их слова себе на груди пишете? – говорит дедушка, проходя к столу.

– Выходит, – опять усмехается Трифоныч. – Есть будете?

– Мне без надобности. А ему дай, – кивает на отца дедушка. – От голода на заводе в Челябинске умер. И от работы. Трудармия.

Бусыгин наливает всем водки, отцу ещё и большую тарелку супа. Все вместе выпивают. Отец принимается жадно есть, то и дело протягивая руку за хлебом. Но ни супа в тарелке, ни хлеба на столе не убывает.

– Зря ты парня своего прогнал. Дал бы денег сколько-нибудь.

– Если бы на пользу, – хмурится Бусыгин. – Спустит за месяц. Работать по-настоящему не хочет.

Дедушка кивает, но нравится ему такой ответ или нет – не ясно.

– Как у вас т а м? – спрашивает Трифоныч. Ему радостно видеть деда и отца, хочется о многом расспросить и о своей жизни рассказать. – Есть т а м что-нибудь?

– Сам узнаешь, – скупко отвечает дедушка Петр.

– Скоро?

– Не скажу.

– Мать, бабушку встречаете? Другую родню?..

Дед ничего не говорит. Ему, похоже, всё на кухне нравится. Он прислушивается к огню в печке, гладит ладонью пластик стола, смотрит на большой глянцевый лист календаря с котятками – Татьяна ещё покупала.

– Справно живёшь.

– Да вроде, – соглашается Трифоныч. – Только на мне, видно, всё кончится.

– Не думай. Другое будет. Для нас чудное, а для них в самый раз. Потом опять другое...

– Дак чужое уже всё, непонятное.

– Потому и забирают нас. Это его раньше времени. – Дедушка кивает на отца. Тот продолжает жадно есть. И молчит. Молчаливым он был и при жизни, во всём слушался деда.

– Я никуда не собираюсь. Силы у меня ещё есть, – не соглашается с резонами деда Трифоныч.

Дед крикает.

– Сегодня ты бабе показал свою силу... На работу теперь только и способный. Там за этим внимательно следят. – И дедушка Пётр неопределенно машет рукой куда-то в сторону.

Помолчали. А что скажешь?..

– Чего раньше не приходили?

– Нужды не было.

– Оставайтесь у меня. – Трифоныч замолкает. Добавляет с трудом: – Один я...

– Кабы можно было. Ты к нам придёшь. Не сейчас.

Дед вздыхает и смотрит на отца. Тот понимает его. Поднимается из-за стола, напихивает в карманы штопаных-перештопанных красноармейских штанов столько хлеба, что они начинают бугриться.

– Бывай пока, – говорит дедушка Пётр. – Уходить надо.

У Трифоныча перехватывает горло. Он подается вперёд, хочет обнять дедушку и отца, не многих из дорогих в его жизни людей. Но мешает стол. Да и гости отстраняются.

– Нельзя тебе.

И вот уже нет обоих.

Бусыгин опускается на табурет. Неподвижно сидит, опустив голову.

Гудит пламя в печке, и что-то ненужное бормочет телевизор.

По материнской линии

1

В обед выяснилось, что исчез Димка Побочный.

– Виктор Иванович, у нас, кажется, чепе, – сказала аспирантка Ирина. – Побочного нет. Утром по деревне он с группой тоже не ходил. Куда только мог деться?.. – Ирина в недоумении пожалала худыми, как у топ-модели, плечами.

– То есть? – спросил Анохин. Борщ у девчонок получился отменный, густой, с молодой зеленью, Анохин такой любил. И оттого его голос прозвучал благодушно. – Может, дрыхнет где-нибудь? Куролесил всю ночь с местными, теперь отсыпается, барбос.

Как ни контролируй ребят, некоторые после отбоя выби-
рались через окно и гоняли со здешними парнями на мото-
циклах. Побочный первый, среди местных он сразу стал сво-
им.

– Да нет, мы смотрели. Нигде нет.

– А что же раньше не сказали? – вскользь пожурил Ано-
хин, поднимаясь из-за стола и всё ещё оставаясь спокой-
ным. – Пойдёмте вместе посмотрим.

С Ириной, а потом и с пообедавшими студентами он обошёл школу, подергал ручки запертых классов и подсоб-

ных помещений, спустился в подвал. Становясь всё более озабоченным, Анохин осмотрел пришкольную территорию, укромные места в бурьянах за спортивной площадкой.

Побочного нигде не было. Анохин собрал студентов.

– Кто видел Диму последний? Скрывать ничего не советую.

– Правда, ребята, выкладывайте начистоту. От ваших слов многое зависит, – поддержала Ирина и преданными глазами посмотрела на Анохина. В экспедиции она была его заместителем.

Но ничего внятного студенты сказать не смогли. Спать Побочный лёг вместе со всеми, а утром его спальный мешок оказался пустым. Анохину сразу не сообщили потому, что думали, вот-вот заявится. За Димкой и раньше такое водилось – мог прийти под утро, а то и к завтраку.

О том, чтобы продолжить запись фольклора, теперь не могло быть и речи. Но по домам Анохин всё-таки пошёл, надеясь что-нибудь узнать у местных ребят. Оказалось, тем тоже ничего о Побочном неизвестно. Большинство вместе с родителями уехали на сенокос, а те, что оказались дома, возились во дворах с мотоциклами или высовывали из окон заspanные физиономии и отвечали одно и то же: не знаем.

Оставалось обратиться к властям.

Выслушав Анохина, глава сельской администрации позвонил участковому.

– Бог троицу любит, – сказал не по годам дородный участ-

ковый, вскоре появляясь в кабинете главы. Отдуваясь, он снял фуражку, вытер околыш изнутри пухлой ладонью. – Ну, жарница! Пекло прямо. У вас типа каждое лето так?.. Баргадаевы и Голошубовы тоже своих парней ищут.

Будто не слыша последних слов, глава администрации налил из пластиковой бутылки на столе стакан минералки, прищурился:

– Это тебе не в городе прохладиться. Нынешнее лето с прошлогодним не сравнить, то жарче было.

– Скажете тоже – прохладиться...

– А то нет. – Глава крупными глотками выпил воду, налил ещё. Вид у него был помятый, под глазами набрякли мешки.

– Дежурствами начальство заколебало, личного состава не хватает.

– А я всё думаю, чего это он на село подался!..

Торопиться здесь не было принято. Анохин едва сдерживался. Руководитель практики, он отвечал за каждого студента. Сидевшая рядом Ирина коснулась его руки. Анохин с досадой отстранился. Глуповата всё-таки барышня!.. Демонстрация отношений сейчас была особенно неуместна.

– У Баргадаевых и Голошубовых тоже проблемы, – повторил участковый и расстегнул на папке из кожзаменителя молнию. – Ушли вечером, до сих пор нет. Я вот чего думаю. Соберём население и прочешем ближние колки. Мало ли... – Он вопросительно посмотрел на главу администрации.

Тот неопределённо шевельнул бровями, словно говорил: твоя забота, ты и решай. Участковый протянул Анохину листок:

– Вот бланк, пишите заявление.

2

– Клёво! – крикнул сверху кто-то из ребят. Сильный ветер сносил его слова. – Жмурик собственной персоной! Улёт!..

Студенты, молодые, здоровые лоси, первыми выбрались из оврага и сейчас с рюкзаками и спальниками стояли у его края, дожидаясь остальных. Смотрели они куда-то в сторону.

– Виктор Иванович, встретить покойника – это к неудаче? – спросил кто-то из студенток.

Анохину впору было самому помогать, но он подал руку Ирине и тянул её вверх по крутой тропинке. Кисть у аспирантки была белая, крупная, с проступающими под ухоженной кожей лучевыми костями. Ирина, опустив глаза, смущённо, женственно улыбалась.

– Что за пораженческие настроения! – преувеличенно удивился Анохин, стараясь говорить так, чтобы не было заметно одышки. – Всё будет тип-топ. Наберём материала – машину заказывать придётся!..

Духовой оркестр они слышали ещё в овраге. Сочетание было противоестественное, дикое. Июльская буйная зелень, жадно тянущиеся к солнцу кустарник и травы, бойкая скороговорка ручья – и печальные, теснящие сердце звуки. Путь в Михеевку через овраг им подсказали в автобусе, так было короче. «Угораздило, – подумал Анохин. – Вот как бабы-Зо-

ино село встречает!...»

По улице с одноэтажными панельными и тёмными брусовыми домами медленно двигался грузовик. Его борта были опущены, посередине кузова стоял обтянутый красной материей гроб. За грузовиком шли подростки с горящими на солнце трубами и играли, старательно надувая щёки. Странно, но ни в кузове, ни за грузовиком родни и провожающих видно не было. Венков, как это принято, тоже никто не нёс.

– Одинокий какой-нибудь человек, – вполголоса предположила Ирина, как и всё последнее время, стараясь держаться рядом с Анохиным. В голосе аспирантки слышались исследовательские нотки. – Не по традиции обряд, неправильный... Ребята, прекратите, наконец, имейте уважение хотя бы к смерти! – несердито, по-другому у неё не получалось, сказала она студентам.

Те, посмеиваясь, смотрели на Димку Побочного. Димка, закатив глаза и втянув щёки, прижимал к груди крест-накрест сложенные руки со сжатыми кулаками. Напоминало это трафаретку на трансформаторной будке. «Всё ещё так далеко от них!...» – с неясным чувством подумал Анохин.

То, что произошло следом, заставило его лишь усмешливо повести головой. Покойник, профиль которого виднелся в гробу, вдруг сел, опёрся руками на обтянутые кумачом края и крикнул музыкантам:

– Без туфты! Всё по правде, как на самом деле! А то хрен вам, а не деньги!..

Студенты хохотали, Димка Побочный свалился на траву и дрыгал ногами в стретчевых джинсах.

– Похоже, у здешнего народа с выдумкой всё в порядке. Фольклор должен быть богатый, – смутилась Ирина. И опять это получилось у неё мило, женственно.

Второй раз грузовик с гробом они увидели уже возле сельской администрации. Её здание было приметно издали – над крышей трепетал на крепком ветру триколор. Судя по всему, Михеевка в советские времена была центральной усадьбой совхоза, село немаленькое, но народа на улицах почти не было видно. На редких встречных Анохин, посмеиваясь над собой, смотрел тем не менее пристально. Вдруг родня?..

Во внешности главы сельской администрации он тоже пытался отыскать нечто знакомое. Нагруженные рюкзаками и спальными мешками студенты остались на просторном крыльце, а Виктор Иванович сидел в кабинете с анодированным двуглавым орлом на стене и рассказывал о целях фольклорной практики. Глава, его где-то возраста мужчина – узколицый, полуседой, со сметливым взглядом, – понимающе кивал, озабоченно хмурил брови. Об экспедиции ему уже сообщили из района. Он оглянулся на окно, за которым медленно проплывал грузовик с гробом.

– Обряды нужны, говорите, песни? Тогда Серёга Дыбов вам в самый раз. Помещик наш.

– Помещик?.. – Анохин тоже посмотрел на окно.

– Ну, фермер. Сейчас ещё ладно, никто не причитает. А

то наймет старух, те сядут вокруг, плачут, какой, дескать, был хороший. А Серёга лежит в гробу, довольный!.. И так кругами по селу, пока не надоест. Прямо как сейчас.

– Любопытно... И часто это у него?

Глава помолчал, слушая траурную музыку.

– А ничего играют, верно? Наша клубная самостоятельность, между прочим, я нашёл им специалиста... Ну, не так, чтобы очень. Но раза три-четыре в году однозначно. Это когда Серёга запивает. – Глава администрации вдруг подался вперёд и, оглянувшись на соседнюю комнату, где находилась секретарь, приглушил голос: – Анекдоты тоже собираете? Частушки с картинками там, мужские всякие поговорки? А то у меня есть... – И подмигнул. – Ладно, это потом. Устраивайтесь, я Лидии Степановне сейчас позвоню.

Директора школы пришлось подождать. Когда эта Лидия Степановна появилась, стало ясно, задержалась она не случайно. Вид у женщины был недовольной. Во время фольклорных практик Анохину приходилось сталкиваться с разными директорами школ и заведующими клубами – обычно туда определяли студентов на постой. Одни старались во всём помогать, вспоминали собственные студенческие годы, заискивали перед горожанами. Другие относились сдержанно, сухо, если не сказать, враждебно. Почему – неизвестно.

Лидия Степановна, похоже, принадлежала к последним. Это была рыхлая женщина с белёсым стелящимся пухом на щеках.

– Здравствуйте, – чётко выговаривая каждую букву, ответила она на приветствие Анохина. – Предупреждаю, в помещении школы не курить, спиртные напитки не распивать!.. Вы старший? Ваша фамилия?

Анохин представился. Директор школы достала блокнот и записала. Повисла неловкая тишина.

– Сейчас будут брать отпечатки пальцев... – вполголоса сказал Димка Побочный.

– Не умничай! – одернула Лидия Степановна, поворачиваясь всем телом к нему. – Я не обязана вас принимать!

Её следовало бы осадить, но Анохину не хотелось начинать с этого отношения. И то сказать, какому администратору понравится, когда на голову сваливается такая орава. Незванный гость, как известно... Не отказала под благовидным предлогом – и на том спасибо.

– Пошли, – махнул он студентам, направляясь вслед за директором к высокому крыльцу двухэтажной кирпичной школы.

– Какая неприятная тётка, – тихо сказала Ирина. Она догнала Анохина, подхватив с травы рюкзак своей большой белой кистью. – Какой вы всё-таки выдержанный человек, Виктор Иванович. Я бы так не смогла!..

Анохин опустил голову, скрывая усмешку.

3

Одна из несправедливостей жизни в том, что старших начинаешь понимать поздно. Когда они, зрелые люди, могут рассказать, что чувствуют и думают, ты ещё не готов. Ты пацан со своими интересами, потом парень, интересы тоже соответствующие. А когда созрешь для понимания, бабы Зои уже нет, умерла. Ты помнишь её сухопарую фигуру, нос уточкой, то, как быстрым движением она вытирала большим и указательным пальцами уголки рта, а чем жила, что за свой век передумала – не знаешь. И никогда уже не узнаешь, хотя она родной тебе человек. Трагическое несовпадение поколений. Несовпадение зрелости, акме, как говорили древние...

День заканчивался. Здесь, на юге огромной области, белых ночей не было. Солнце зашло, ветер утих, сумерки затягивали село, делая всё вокруг невнятным, только угадываемым. Треволнения неблизкой дороги, закупка необходимого, а ещё раньше – унижительные поиски спонсоров (институтских денег на фольклорную практику, как водится, не хватало) – всё это было позади. Анохин вздохнул свободней, пружина внутри ослабла. Он старался не думать о том, что вся работа, собственно, впереди. Неспешно шёл по улице, смотрел на освещённые окна, на чёрные, по-особому плотные в густеющих сумерках палисадники.

Липы, наверно, баба Зоя помнила. Старые. Они да ещё,

пожалуй, церковь из тех времен – по виду, недавно восстановили. А всё остальное знать не могла. Дома наверняка другие, водонапорной башни не существовало по определению, нынешних клуба и школы не было тоже. Были толчки телеги на комьях застывшей грязи, запахи лошадей и дёгтя от ступиц, стыд, злорадные лица вокруг, обида. Люди доверчивы, им показали на таких, как бабы-Зоина семья, мол, кровопийцы, кулачье, виноваты во всех бедах – они поверили. Из мстительной зависти плевали вслед и швыряли комьями мёрзлой земли. Хотя чему было завидовать, знали бы о будущем высылаемых – плакали бы. Всё-таки люди...

«Не знаю даже, где дом бабы Зои стоял. Не расспросил...».

Анохин возвращался к школе, проводив Анатолия Григорьевича – так звали главу сельской администрации. Тот заходил посмотреть, как устроились. В общем, лучше, чем можно было ожидать. Директор школы открыла два класса, один для ребят, другой для девчонок. Анохину дала ключ от учительской, где имелись телефон и диван. Такого подарка Анохин не ожидал, он готов был расположиться со студентами. Хорошо и то, что Лидия Степановна разрешила пользоваться школьной столовой – будет где готовить. Директор оказалась не такой уж и суровой. Резкие смены настроения? Менопауза?..

Глава администрации, похоже, заходил не только для того, чтобы проверить, как устроились. Судя по всему, он

ещё надеялся выпить. Кое-что в его поведении говорило об этом. Разговор часто прерывался, оба замолкали, но Анатолий Григорьевич всё не уходил. Выпить для налаживания контакта следовало бы, но Анохин в экспедициях устанавливал сухой закон. От кофе же глава решительно отказался. не надо, не надо, и так женщины на работе запоили!.. О прошлом Михеевки он знал мало, был нездешний, в середине восьмидесятых приехал после сельхозинститута по направлению. Когда Анохин попытался выяснить, много ли в селе старожилов, скучно заметил, что надо обратиться к секретарю, все списки у неё. А если требуются довоенные документы, это в районный архив.

Насчет архивов Анохин не обольщался. Широко открытые в перестроечные годы многие фонды опять стали недоступны. В том числе те, что были связаны с репрессированными. Да и не нужны ему были сейчас архивы.

– А зачем вам наши старожилы? – вдруг спросил глава. – Обычаи помнят, фольклор разный – потому?

– Это тоже. – Анохин провёл ладонью по полированному столу учительской. За время каникул тот припал пылью, сделался тусклым. – Моя бабушка из здешних мест. Вдруг родственники найдутся.

– А как бабушкина фамилия?

– Гостюхина.

Анатолий Григорьевич подумал.

– Нет, не знаю.

Чтобы оживить вялый разговор, Анохин напомнил, улыбаясь:

– Так что насчёт частушек с картинками?.. Обещали.

– Ну, это надо под настроение... – Отведя глаза, глава поднялся с дивана. В его движениях, в отведённом взгляде чувствовалась сдержанная досада. И Анохину ещё раз подумалось, что Анатолий Григорьевич рассчитывал выпить. – Потом как-нибудь. Баян опять же...

Но несколько частушек по дороге всё-таки вспомнил. Правда, они были без «картинок», и Анатолий Григорьевич их не спел, а продекламировал. «По деревне мы идём, / В том конце воротимся, На сарае девки спят, / Ночевать попросимся». Один из многочисленных вариантов распространённого сюжета. «Хорошо тому живётся, / У кого одна нога./ Тому пенсия даётся, / И не надо сапога». Эта частушка встречалась реже, её глава слышал ещё в детстве, от отца. Тот был инвалидом войны, пел, можно сказать, про себя.

– О войне отец не рассказывал, – заметил Анатолий Григорьевич таким голосом, словно извинялся за эту глупость, частушки, и за то, что вспомнил их. Он смирился с тем, что выпить не удастся. – Я был пацан, мне интересно. Подвиги там, героизм, а отец – молчок. Отстань, говорит. Когда и пошее даст, если очень приставал.

– Что вспоминать... Узаконенное убийство. Бойня.

Глава администрации на это промолчал, развивать тему войны в таком ключе не собирался. Он сорвал ветку черё-

мухи в палисаднике, мимо которого проходили, и спросил, отмахиваясь от комаров:

– Вы что, специально в Михеевку приехали? В смысле, о родственниках узнать?

Анохин ответил не сразу.

– В какой-то мере.

Не зная того, Анатолий Григорьевич затронул потаённое, главное, больное. Можно было бы фольклорную практику провести где-нибудь и ближе к их северному городу, не портить отношений в деканате. Но в последние годы Анохин всё настоятельнее чувствовал необходимость побывать на родине бабы Зои, увидеть, точнее – почувствовать, места, где та выросла, откуда пошёл их род. Словно это могло дать ответ на нечто важное. Анохин не совсем понимал, что за этим стоит, но потребность такая была, и острая. Расставить акценты?..

Сумерки, тишина, неторопливое движение по выложенной светлыми бетонными плитами улице располагали к доверительности.

– Странно, я своей жизнью обязан коллективизации, – сказал Анохин. – Не было бы её, и меня не было бы.

– Как это?

– Я не всё вам сказал. Семью бабушки раскулачили, сослали на Север. Мать уже там родилась. Разве встретились бы родители, если не коллективизация, не сослали Гостюхиных?..

– М-да, – неопределенно отозвался в сумерках глава.

«Не понимает», – подумал Анохин. Он и сам остро, по-настоящему осознал это не так давно. Коллективизация – ещё не всё. Нужно было, чтобы первый муж бабы Зои погиб в начале войны и она сошлась с занесённым в деревню комиссованным солдатом, от которого и родилась мать. Не случись войны и коллективизации, всё было бы сейчас другим. И Михеевка, и его нефтяной город, и страна. Другие, не родившиеся, люди жили бы, и не существовало бы большинства тех, кто живёт теперь. Война, раскулачивание перемешали, переварили всё в беспощадных котлах, корёжили судьбы, с кровью рвали прежние связи. Но и завязывали новые, которых никогда не было бы, пойдя история иначе.

Думать об этом странно, желать, пусть задним числом, кощунственно, но ныне живущие должны быть благодарны, что всё произошло именно так. И мясорубка войны, и бесчеловечное раскулачивание, а если заглянуть глубже – и ордынское нашествие, и княжеские междоусобицы, и Петр Первый, ломавший страну через колено, и многое другое, чем наполнена история. Всё это нужно было, чтобы родился именно ты и живущие теперь люди. Дикость, бред, а тем не менее.

– Как всё-таки странна жизнь, – сказал Анохин. – И жестока.

Анатолий Григорьевич внимательно посмотрел на него и не ответил.

– Пришли, – заметил он у дома с ярко освещёнными окнами, похоже, стеклопакетами. Как и полагалось дому у человека при власти, выглядел дом солидно. – В случае чего обращайтесь. – И глава администрации скрылся за калиткой.

Анохин ещё прошёлся по селу. Людей, как и днём, на улицах почти не было. Горьковато пахло огородами и остывающей к ночи листвой из палисадников. Наверно, так же было и в бытность бабы Зои. Ещё помыкивание коров из стаяк, звучные удары молочных струй в подойники, запахи болтанки для коров, оседающей дорожной пыли...

От школы слышался треск мотоциклов, и видны были рубиновые огоньки стоп-сигналов. Кирпичные стены мазал свет фар. Обычная история, местные пришли знакомиться. Чем в итоге обернётся ситуация, дружбой или дракой, предугадать было трудно.

– Что скажете, парни? – спросил Анохин, подходя и стараясь, чтобы его голос прозвучал в меру строго, но и доброжелательно.

Ближний к нему подросток повернул ручку газа, мотоцикл взревел.

– А ты кто такой?

– Вообще-то к старшим обращаются на «вы».

– Это он от застенчивости, – со смешком вмешался Димка Побочный, который, оказывается, находился среди мотоциклистов. – Они нормальные ребята, Виктор Иванович. Аборигены. Приглашают наших девчонок на дискотеку.

Ни на слова о застенчивости, ни на «аборигена» подросток не обиделся. Хватило чувства юмора. К нему и к Димке Побочному, опустив с обеих сторон мотоциклов на землю ноги, стали съезжаться остальные здешние парни. «Коммуникабельный человек, – подумал о студенте Анохин. – Практика у него должна пойти хорошо. Но и глаз да глаз за таким нужен».

– Ладно, Димон, выступать!

– Конкретно говорю.

– Не гони пургу, хрюндель!..

– На дискотеку? Это, конечно, можно, – сказал Анохин, стараясь не упускать инициативы, это было важно. – Но не сегодня, мы с дороги... Дима, что это у тебя?

Мотоциклисты радостно заржали. Почти у каждого в руках была банка с пивом. Как они при этом умудрялись управлять мотоциклами, оставалось загадкой.

– Всего лишь пиво, Виктор Иванович. – Голос Побочного звучал невинно. Он продемонстрировал бутылку, которую держал за спиной. – Безалкогольный напиток, минздрав ничего не имеет против. Честное слово!..

Анохин направился к крыльцу школы. Выйти из разговора тоже следовало вовремя.

– Ладно, потом поговорим... Напоминаю, в одиннадцать отбой.

Молодёжная субкультура, своя табель о рангах. Со временем большинство придёт к общепринятому, станут нор-

мальными скучными взрослыми. А пока сленг, сходная манера поведения, престижная в их среде одежда (они говорят «прикид») – стремление быть в стае своим, потому что непохожим приходится туго. И осуждать нельзя, сам был молодым, хотя от некоторых вещей коробит. Зэковские лексемы на каждом шагу, сидение на корточках, мат от девчонок, назойливые «как бы», «короче», «на самом деле». И это повальное увлечение пивом, банка или бутылка в руках как система опознавания свой-чужой. Многое, конечно, от комплексов, от неуверенности, от подспудного страха перед взрослой жизнью – понять, в общем, можно.

Анохин усмехнулся. «Что-то я стал всех в последнее время понимать... Возраст, клыки поизносились?».

– Ой, как хорошо, что вы пришли! – обрадовалась аспирантка Ирина, выглядывая из отведённого девчонкам класса. – Жареную картошку будете? – И оглянулась, окликнула кого-то в классе: – Ты куда дела спальник, Даша? Найди, солнышко, Виктора Ивановича будем кормить!

Ей ответили что-то невнятное. Похоже, там были заняты разговором через открытое окно с мотоциклистами.

– Дашуля, лапонька, скоренько!.. – Это уже было сказано с игривой капризностью.

Анохин в очередной раз отметил, Ирина кокетничает не только с ребятами, но и с девчонками. Тоже, наверно, форма защиты – неопределённый статус, не студентка и не преподаватель, чужая тем и этим. А может, просто избыток жен-

ского начала, особый талант. Или бисексуалка, что сейчас не редкость. Но важно другое: всего-то на несколько лет старше, а уже не как остальные, внимание и забота о руководителе практики. Пусть небескорыстные, но тем не менее.

– Это где же вы картошку раздобыли? Старой ни у кого не должно остаться, для новой рано.

– У нас рано, а здесь... Дашуля, осторожно, умоляю, перевернёшь!.. – Ирина опрометью бросилась обратно в класс.

Через минуту она стояла в учительской с пластиковой миской в руке.

– Почти пюре, Виктор Иванович, с молодой картошкой всегда так!.. Зато тёплая, в спальнике пришлось держать. – Аспирантка засмеялась, опустила миску на стол и огляделась. – Как хорошо у вас, Виктор Иванович!.. Даже нормальный стол есть. Можно я буду здесь обрабатывать материал?

– Не вопрос.

– Защита на носу, а у меня ещё конь не валялся, – сочла необходимым пояснить Ирина извиняющимся голосом.

– Не прибедняйтесь, Ира, кое-что у вас есть.

– Только благодаря вам. Вы мне так помогли, Виктор Иванович!..

– Прямая обязанность научного руководителя.

– Если бы не вы... Я вам не знаю, как признательна!..

Эти взгляды, постоянное стремление находиться рядом, как бы случайные прикосновения... Аспирантка – взрослая женщина, он ещё не старый мужчина – почему бы и нет? Но

сейчас, в Михеевке, это было совершенно ни к чему, мешало. Всё в Анохине было настроено на другое. Тем не менее он сказал:

– Скромность – прекрасное качество, Ира. Но жизнь слишком коротка, чтобы долго быть скромным. По крайней мере, так считали древние полинезийцы.

Девушка с готовностью засмеялась:

– Древние полинезийцы, прекрасно!.. Такой хороший вечер, Виктор Иванович. Может, посмотрим село?

– Обязательно. Но завтра.

– Ловлю на слове!..

Пужинав, Анохин выключил в учительской свет, достал мобильник и набрал домашний номер. Представил, как жена, отложив баночку с кремом, потянулась от туалетного столика, взяла трубку. Она уже в ночной рубашке, готовится спать – жаворонок, всегда ложилась рано. Приглушённый свет бра, будничное лицо немолодой интеллигентной женщины.

– Да, Витя. Что-то случилось?

Легкое удивление, сегодня он уже звонил.

– Всё нормально. Как вы?

Анохину не хотелось, чтобы жена думала, что он рад – вырвался из дома. Отношения у них были хорошие, ровные, но в фольклорные экспедиции Анохин уезжал с удовольствием. Не только потому, что полагалось по службе. Время, когда они жили в балке на окраине, топили буржуйку, носили воду

из колонки и не могли друг без друга, давно прошло. Но показывать это было бы неправильно, Людмила подобного не заслужила.

Однако не это сейчас было главным.

– Настя где? Дома? – Анохин задержал дыхание.

– У девчонок, они в клуб собрались, – легко ответила жена. – Знаю, как ты к этому относишься, но мы не можем лишать её развлечений. Она молодая, согласись.

Эта необязательность тона, за которым понимание своей вины и в то же время желание усювестить его за излишние страхи.

– Люда, я тебе тысячу раз говорил, нечего ей в этом клубе делать!.. – Хотелось сказать резкость, но Анохин сдержался. Смешно ругаться по телефону.

Жена заторопилась, быстро перевела разговор на другое:

– Да, совсем забыла. На конкурс подал документы некий доктор филнаук по фамилии Нечипаев. Схватки под ковром предстоят нешуточные. Говорят, он хороший знакомый про-ректора.

Анохин промолчал. Да бог с ним, этим конкурсом!.. В жизни существовала масса вещей, на которые не стоило обращать внимания, но к дочери это никак не относится. Анохин за неё боялся – до паники, до судорожно сжатых кулаков. Семнадцать лет, домашняя, милая, глупая – всё может случиться. У ночного клуба была дурная слава, там кололись в туалетах и нюхали, там же трахались. Это несмотря на ре-

гулярные рейды полиции.

– Витя, ты слышишь меня?

– Нечипаев так Нечипаев, – сухо сказал Анохин. – Одним претендентом больше, одним меньше.

– Тебе это неинтересно? – удивилась Людмила. В голосе сквозило осуждение. За почти двадцать лет совместной жизни она стала не столько женой, сколько коллегой и другом. – Ты давно заслужил кафедру, Витя! А что касается докторской, так это дело времени. Вспомни Веретенникова. Если уж он...

То, что жена ставит его на одну доску с пронырливой бездарью Веретенниковым, было досадно и неприятно.

– Ладно, Люда, потом. Я сегодня набегался, спокойной ночи.

Анохин распахнул окно. Мотоциклистов во дворе школы уже не было. На крыльце курили, слышались голоса и молодой смех. Анохин смутно удивился: на небе были звёзды. Из-за белых ночей в их северном городе звёзд сейчас не видно. Чтобы успокоиться, он несколько раз глубоко вздохнул и закрыл окно. Комары. Не включая света, Анохин прошёл к дивану.

Хватит либеральничать, надо всё жёстко поставить на свои места. Пусть жена и дочь считают его самодуром, потом поймут. Молодость – опасное время. Ломка стереотипов, тяга к новому, в итоге движение цивилизации, если уж по большому счёту, – всё так. Но как легко в молодом стремлении к

необычному и новому потерять здоровые ориентиры. Частный случай, но от этого не легче, если такое произойдет с твоим ребёнком. Перевод стрелок в тупик, деградация и гибель. Молодость не в состоянии понять скрытых угроз, пусть и звучит это расхоже.

Когда-то он прочёл научно-фантастический рассказ, запомнившийся своей странностью. Позже понял, это метафора. В отсеке командира космического корабля из другой галактики стояло нечто вроде контейнера с растением. Это был сын командира. На их планете с несколькими лунами существовал обычай достигшую определённого возраста молодёжь подвешивать к деревьям. Из полных жизни юношей и девушек они превращались в субтильные, вялые существа. Но это был единственный способ сохранить им разум. Те, с кем не удавалось проделать подобное, в полнолуния сомнамбулически двигались к ручьям, погружали в воду руки и прорастали в дно. Командир космического корабля вовремя не перевёл сына в состояние, позволяющее оставаться мыслящим существом. И тот превратился в растение.

Прямолинейно, наивно. Но как, черт побери, верно!..

Поход по ближним к Михеевке берёзовым колкам ничего не дал. Участковый, сменив обычную форму на камуфляж, подбадривал двигавшихся между деревьями людей. Но, похоже, сам не очень-то верил в свою затею. Это чувствовалось по его многословию и суете, никак не идущим полному телу.

Родственники пропавших сельских ребят перестали искать первыми. Негромко переговорив между собой, вернулись в Михеевку. Вскоре по дороге мимо колков пронеслась темная «Нива». Баргадаевы и Голошубовы, похоже, решили действовать самостоятельно. По одному принялись возвращаться в село и остальные участники поисков. У каждого находилась причина. Прочёсывающая колки цепь редела, становилась короче. Часа через полтора поиски продолжали одни студенты.

– Мы, русские, всегда так! В армии служил, несколько чурок всю роту держали. А мы каждый за себя!.. – Гена Бобров, невысокий кареглазый крепыш, презрительно смотрел вслед уходящим. – Почему так, Виктор Иванович?! В фольклоре – сам погибай, а товарища выручай, один за всех и все за одного! А на деле...

Анохин среагировал не сразу. Колок занимал скат холма, отсюда, с возвышенности, хорошо были видны и улицы Михеевки, и заслоняющее крыши зелёное кипение июльских

деревьев, и окрестные поля. О том, что на них не так давно что-то выращивали, можно было лишь догадываться. Сейчас почти всё пространство вокруг села заполонила сурепка, её яркое жёлтое пространство подбиралось к крайним домам, окружало село едва ли не со всех сторон. Лишь кое-где угадывались ряды картофеля, издали кажущиеся игрушечно красивыми, и полосы дымчато-зелёной пшеницы.

Анохин сдержал вздох. Для него, выросшего в деревне, видеть подобное было непривычно, диковато. Но и то правда, ничего постоянного не существует. Время смывает не только совхозные поля. Когда-то здесь стояла тайга, Михеевки и в помине не было. Звери рыскали в чащобе, коршуны, словно распятые, висели в небе, время будто застыло. Казалось, навсегда. Но, громоздя с Уральских гор морену, надвинулся ледник, смял тайгу, выморозил и омертвил всё вокруг. Люди в звериных одеждах кочевали по тундре, охотились на мамонтов – и тоже казалось, это навеки, так будет всегда...

– Виктор Иванович, что вы молчите? Почему так получается? Почему русский народ организовать не может? Сам, а не варягов ждать, чтобы пришли и нас построили. Фольклор, выходит, одно, жизнь – другое!..

Анохин оторвал взгляд от полей. Его и самого занимала противоречивость, а порой и откровенное несоответствие паремий² реальности. Но сейчас рассуждать об этом не хотелось.

² «Паремия» в переводе означает «Притча».

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал он, устало опускаясь на пенёк.

Даже здесь, под деревьями, было жарко. Хотелось пить. На редкой траве застыли жидкие, в солнечных пятнах тени от берёз. Вести сейчас серьёзные разговоры никакого желания не было, но, чтобы не ударить в грязь лицом перед студентами, Анохин добавил:

– А может, пословицы – это ещё и нравственный ориентир в народном сознании? То, что должно быть, к чему следует стремиться? Не думал?

Бобров загорячился:

– Да ладно, Виктор Иванович! Вы на лекциях сами говорили, фольклор – это народный опыт, выработанный веками. Цитату из Потебни приводили, типа, пословицами становится то, с чем народ абсолютно согласен, что прошло через слои его понимания. Даль о том же говорил. Горький вообще считал, не литература, а фольклор точнее всего отражает жизнь. Не о нравственных ориентирах речь, Виктор Иванович, бросьте!..

Ох уж эти отличники. Даже полузабытого Горького знает. Особенно въедливо допытываются те, кто кое с каким житейским опытом – работали до института или в армии служили. Но отвечать Анохин не стал – к ним, глухо похлопывая берёзовым прутом по просторным камуфляжным штанинам, приближался участковый.

– Всё под контролем, всё нормально! – бодро заявил он. –

Здесь не обнаружили, значит, больше шансов в другом месте найти. Отрицательный результат – тоже результат! Верно, девчата?

Студентки отводили глаза, вяло пожимали плечами. Они тоже устали на жаре.

– Кстати, что он из себя представляет, этот ваш Побочный? Как его охарактеризуете? С кем дружил, чем интересовался?

– Нормальный парень... Прикольный, – неохотно отозвалась круглолицая хантыйка Света Кунина.

Участковый пылливо прищурился – он, похоже, подражал какому-то персонажу из милицейского телесериала.

– Неформальный лидер, я правильно понимаю?

Света промолчала, вместо неё ответила Даша Калиникова:

– Можно и так сказать. – Она смотрела на участкового на удивление ясными чистыми глазами. – Димка неординарный человек, об этом не только на факультете – все в универе знают.

– Неординарный, говоришь?.. М-да, жизнь у таких бывает яркая, но ухабистая – глубокомысленно изрёк полицейский. – И частенько короткая.

Девчонки молчали, а Бобров упёрся в участкового взглядом.

– Вы так говорите, будто мы труп ищем!

Участковый выпрямился, его лицо стало отчуждённым:

– Вот этого не надо! Я ничего такого не говорил. Я считаю, человек не мог пропасть бесследно, зацепки должны быть. Не так, что ли?

– Почему надо искать здесь, а не в деревне? Вы людей опрашивали? – не уступал Бобров, его карие глаза смотрели зло.

Участковый не сдержался:

– Ты что, учить меня вздумал? Проверяешь?

Анохина тоже раздражал не очень умный полицейский, но дать разгореться страстям было нельзя. Участковый и Бобров почти одного возраста, а конфликты между такими возникают на ровном месте. Тем более, если девчонки рядом.

– Хватит, успокойтесь! Не время выяснять отношения. Я вот что думаю. А если с собакой попробовать искать?

На мгновение лицо участкового стало неловким.

– Кинолог в райотделе работает за деньги.

– То есть?

– Оплачиваете услуги – приезжает с поисковой собакой.

Анохин задержал на участковом взгляд. Впрочем, сейчас всё что угодно может быть. Рынок.

– Хорошо, я оплачу. Вызывайте.

– Погодите, у меня ещё одна версия. – Полицейский оживился. – Как там французы говорят, шерше ля фам? Вот и мы отработаем этот вариант, будем искать женщину. Есть кое-кто на примете...

Участковый повёл плечами, взявшись за мягкий козырёк,

поправил пятнистую камуфляжную то ли фуражку, то ли кепку. Похоже, полевая форма придавала ему уверенности, заставляла чувствовать себя ловким и удачливым.

– Значит, так. Студенты возвращаются в село, а вы пошлите со мной. Если хотите, конечно.

– Хочу, – сказал Анохин.

Первый день практики сложился на редкость удачно. Ирина оказалась права, фольклор в Михеевке был богатый. В живых ещё оставались бабушки, которые помнили свадебные песни и похоронные причитания, различные приметы, поговорки и загадки. А уж частушки, приличные и с «картинками», были коньком михеевских жителей.

Особенно повезло группе, с которой ходила Ирина. Вернувшись в школу, студентки показывали одна другой записи и прыскали. Просматривая их дневники, Анохин отмечал другое. Конечно, любовь, ревность, насмешки над недоутой-ухажёром или глупой девицей, солёное словцо, ёрничанье – то, что всегда было в жизни и всегда будет.

Анохин находил своё. «Надоели нам бараки, / Надоели кочки, / Ещё пуще надоели / Лесозаготовочки». «Ой, колхоз, колхоз, колхоз, / Тяжёлая работушка. / Хлеба нету, есть охота, / Дай аванса, тётушка!». Но тут же: «Наша песня всюду льётся, / С ней и труд идёт смелей. / Нынче весело живётся, / Завтра будет веселей». «Наша Таня молодчина, / Трудовым горит огнем, / Успевай носить бидоны, / Вмиг наполнит молоком!»

Одни частушки действительно народ придумал, другие сочинены самодеятельными стихотворцами по заказу начальства. Но ведь сохранились, запали людям в память и те,

и эти. Не так уж, получается, всё безысходно было при колхозах, ради которых, собственно, и затеяли раскулачивание, если даже казённый оптимизм не отторгнут, как инородное тело. Может, потому что невозможно только о тяжёлом? Сознание народа противится, губительно это для нравственно-го здоровья, необходимо и о бодром, хорошем.

Или всё глубже? Двойственно оно, народное сознание, необходимы ему и кнут, и пряник? Дела Ивана Грозного ужасается интеллигенция, а в народной памяти царь остался чем-то вроде божьей кары – значит, и сам почти что Бог. Или Сталин, этот эффективный менеджер на чужих костях...

Заиграл телефон. На дисплее «Настя». Наконец-то!..

Хотелось тотчас нажать клавишу приёма, стремительно прижать трубку к уху. Но Анохин сдержал себя, проделал всё не спеша. Могла бы позвонить и раньше. Дочь должна понимать, он беспокоится, Людмила наверняка передала.

– Слушаю тебя, – сказал Анохин сухо.

– Мапуля, не сердись! Это я.

– Слышу.

– Ну, извини, пожалуйста! Я только что проснулась.

– Что так рано?

– Не издевайся, мапуля!..

При первых же словах дочери Анохин почувствовал, как сердце повернулось, как ласковый зверёныш. Он ждал этого звонка, и только для того, чтобы заглушить тревогу и отвлечься, засел за дневники. Теперь, стараясь быть иронично

сдержанным, уже не думал о дурной славе ночного клуба и о своём запрете ходить туда. Главное, с дочерью всё хорошо, он слышит её голос.

Настя торопилась:

– Вчера так клёво было!.. Мы с девчонками до четырёх часов тусовались, в клубе классно, это всё ерунда, что о нём говорят. Потом на набережную пошли, там круги нарезали...

– Комаров кормили, – вставил Анохин. Даже молодёжный сленг сейчас его не раздражал.

– Не ехидничай, пожалуйста!..

– Разве я ехидничаю? Констатирую факт.

Он был сумасшедшим отцом, безумным. Пожалуй, единственное, что делала жена, это кормила новорождённую грудью. Менял подгузники, подмывал, поднимался к дочери ночью, бессонно ходил с ней по тёмному балку, пристроив на сгибе локтя, объяснял картинки в детских книжках, а позже и читал их, учил кататься на велосипеде и многое другое – всё делал он, Анохин. Маленькая Настя путалась, называла его мапой. Она и сейчас, когда надо было подлизаться, так обращалась к нему.

В своей любви к дочери Анохин переставал понимать обычные вещи. Потребовалось вмешательство жены, чтобы он лет в десять перестал Настю мыть. «Витя, ты с ума сошёл! Она вот-вот девушкой станет, а ты за ней в ванную!..» – «Ну и что? – не понимал Анохин. – Она мой ребёнок». – «А ты не замечал, что она стесняется тебя? Ты мужчина». – «Я отец, а

не мужчина». Но мыть дочь после этого разговора всё-таки перестал.

Людмила была права, с возрастом дочь менялась, и не только внешне. Она понемногу отдалялась от него, становилась ближе к матери. И подружки занимали всё большее место в её жизни. Если бы Анохину сказали, что он ревнует, он бы усмехнулся. Умом понимал, это неизбежно, вспоминал себя в подростковом возрасте, когда друзья становились важнее родителей, но душой смириться с этим было невозможно. Классе в восьмом дочь опять потянулась к нему, стала почти прежней Настей, однако где-то параллельно маячили мальчики, школьные дискотеки, шушуканье с матерью, а сейчас ещё и этот клуб...

Он затягивал разговор, но Настя поняла, что прощена и быстро закруглилась. На телефоне, дескать, кончаются деньги. Некоторое время Анохин ещё сидел молча. Дочь позвонила, это хорошо, однако он не мог избавиться от ощущения: Настя что-то недоговаривает. У неё опять какая-то тайна. Пора было бы уже к этому привыкнуть, но не получалось.

В учительскую постучались. Ирина.

– Виктор Иванович, послушайте, какая прелесть! «Сел во вода на колоду да бултых в воду. Уж он мок-мок, уж он кис-кис. Вымок, выкис, вылез, высох, сел на колоду – бултых в воду! Уж он мок-мок, уж он кис-кис...» Изумительно!

Переключиться сразу на окружающее было невозможно, потребовалось время, прежде чем Анохин хмыкнул:

– Смотри-ка, сохранилась. Эта докучная сказка есть в сборнике Афанасьева.

– Правда? А я думала...

– Не расстраивайтесь, найдётся и оригинальное. Кстати, – сказал Анохин, оживляясь, – вот вам и тема для статьи. Сравнительный анализ фольклорных жанров, переживших время и присущих определённому периоду в истории народа. Читал дневники, пришла такая мысль. Название сырое, но рациональное зерно есть. Вам нужны публикации, Ира.

– Ну-у, это слишком серьёзно. Это на докторскую тянет, – вытянула губы трубочкой аспирантка. Получилось это у неё мило, подкупающе, почти по-детски. – А я, как вы знаете, Виктор Иванович, всего лишь скромный соискатель звания кандидата.

– Так уж и на докторскую. К тому же у вас есть научный руководитель, готовый подсказать и помочь.

– Ой, Виктор Иванович, вы такой!..

Всё-таки она переигрывала. Вся как на ладони. Звёзд с неба не хватает, но в школьные словесники не пошла – в институте преподавать намного престижней. Нужно лишь сочинить диссертацию и защититься. Ради этого готова на многое, судя по всему, не очень-то принуждая себя. Другое поколение. Представление о незыблемых, казалось бы, вещах у них тоже другое.

– Виктор Иванович, вы обещали прогулку по селу. Не забыли?

– Это когда я обещал? – Анохин сделал удивленное лицо.

– А вчера, когда мы сюда приехали! – подхватила игру аспирантка. – Нехорошо обманывать доверчивую девушку. Негуманно.

– Неужели?..

Ирину следовало держать на расстоянии, своей откровенной готовностью она сбивала настрой, отвлекала от главного. Но Анохину самому тоже хотелось пройтись по селу. Засиделся за дневниками, да и вечер хорош.

– Ну что ж, пацан сказал – пацан сделал.

Аспирантка засмеялась:

– Значит, пойдём? Давайте прямо сейчас!

– Почему бы и нет? Дневные труды завершены, настало время отдохновения. Самое то, как говорят в Одессе.

Потому ли, что он уже пообвыкся в Михеевке, или оттого, что рядом был посторонний человек, но окружающее Анохин воспринимал теперь не так остро и полно, как накануне. О бабе Зое и о том, как семью раскулачивали, сейчас не думалось. Уже привычными казались и одноэтажные блочные дома попеременно с брусовыми, и уложенные бетонными светлыми плитами улицы, и палисадники с черёмухой и сиренью. За деревьями садилось большое малиновое солнце, жарким огнём полыхали выходящие на запад окна.

– Коровы! – сказала Ирина. – Я их боюсь!..

Навстречу неторопливо двигались бурёнки, останавливались, тупо смотрели на них. Судя по всему, пастух пригнал

коров в село, а разбредались по дворам они уже самостоятельно.

– Что их бояться, безобидные существа.

– Ага, это вам не страшно, вы мужчина!..

Анохин вскользь взглянул на аспирантку. Считает, именно так должна вести себя городская жительница, видевшая коров только по телевизору. Это должно располагать к ней, добавлять милой женственности, пусть и глуповатой.

Улыбаясь про себя, Анохин стал рассказывать о Ягодном, о коровах, которых никто не пас, они бродили в лесу сами по себе. Случалось, их задирали медведь, бабы-Зоина Милка однажды тоже не вернулась домой. Дед с мужиками выследил косолапого. Малолетнего Анохина в тайгу не взяли, но освежёванного зверя он всё-таки увидел. Без шкуры медведь походил на голого человека, и эта беззащитная схожесть запомнилась.

– Так вы с дедушкой и бабушкой жили? А как же родители?

– У меня был отчим.

– Конечно, тогда дедушка с бабушкой ближе... Родители развелись?

Анохин промолчал. Рассказывать, что мать родила его до замужества, не хотелось. Теперь такое не редкость, но в детской памяти засело осуждающее лицо бабы Зои. «Доночевалась! – попрекала она дочь. – Байструка принесла!..» – «Не шкварчи, – урезонивал её дед Саша. – Это у вас, кулаков, не

полагается, а у других нормально. Чей бы бычок ни прыгал – телёнок наш!» И взлохмачивал левой рукой маленькому Вите голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.